

Часть первая

От 20 мая 1804 до 25 апреля 1830 года

Царское Село, 3 июня 1854

Э п о х а 1

Рождение. Пребывание с бабушкой

Я родился 1804 года, мая 20 утром, на заре, в селе Новоспаском¹, принадлежавшем родителю моему, капитану в отставке Ивану Николаевичу Глинке². Имение это находится в 20 верстах от города Ельни Смоленской губернии; оно расположено по реке Десне (близ ее истока) и в недалеком расстоянии окружено непроходимыми лесами, сливающимися с знаменитыми Брянскими лесами. Вскоре по рождении моем матушка моя Евгения Андреевна (урожденная Глинка)³ принуждена была предоставить первоначальное мое воспитание бабушке моей Фекле Александровне (матери моего отца), которая, овладев мною, перенесла меня в свою комнату⁴. С нею, кормилицей NB и нянею⁵ провел я около 3 или 4 лет, видаясь с родителями весьма редко. Я был ребенком слабого сложения, весьма золотушного и нервного расположения; бабушка моя, женщина преклонных лет, почти всегда хворала, а потому в комнате ее (где обитал я) было по крайней мере не менее 20 градусов тепла по Реомюру. Несмотря на это, я не выходил из шубки, по ночам же и часто днем поили меня чаем со сливками со множеством сахара, кренделей и бубликов разного рода; на свежий воздух выпускали меня очень редко и только в теплое время. Нет сомнения, что это первоначальное воспитание имело сильное влияние на развитие моего организма и объясняет мое непреодолимое стремление к теплым климатам, — и теперь, когда мне уже 50 лет, я могу утвердительно сказать, что на юге мне лучше жить, и я страдаю там менее, чем на севере.

Бабушка меня баловала до невероятной степени, — мне ни в чем не было отказа; несмотря на это, я был ребенком кротким и добронравным, и только когда тревожили меня во время занятий, становился н е д о т р о г о ю (мимозою), что отчасти сохранилось и доныне. Одним из любимых моих занятий было ползать по полу, рисуя мелом деревья и церкви. Я был весьма набожен, и обряды богослужения, в особенности в дни торжественных праздников, наполняли душу мою живейшим поэтическим восторгом. Выучась читать чрезвычайно рано, я нередко приводил в умиление мою бабушку и ее сверстниц чте-

нием священных книг⁶. Музыкальная способность выражалась в это время страстию к колокольному звону (трезвону); я жадно вслушивался в эти резкие звуки и умел на двух медных тазах ловко подражать звонарям. В случае болезни приносили малые колокола в комнаты для моей забавы.

С самого малолетства я уже был слабонервным; за несколько дней до кончины бабки⁷ приложили ей пластырь отвратительного запаха. Но меня никакой силой не могли принудить войти к ней, и я не присутствовал при ее кончине, несмотря на то что я очень любил ее.

Несколько забавных анекдотов я мог бы привести здесь, хотя воспоминания об этой эпохе не совсем ясны в памяти моей,— но считаю их излишними, ибо они не имеют прямого отношения к моей артистической жизни,— притом я отнюдь не желаю подражать г-ну женевскому философу⁸.

Период 2

От кончины бабки

до проявления первого музыкального чувства

После кончины бабки моей образ моей жизни несколько изменился. Матушка баловала меня менее и старалась даже приучать меня к свежему воздуху, но эти попытки по большей части оставались без успеха.

Кроме сестры, годом меня моложе, и моей няни, вскоре взяли другую няню, вдову землемера по имени Ирину Федоровну Мешкову с дочерью, несколько постарше меня. Эта няня была женщина простая и чрезвычайно добрая, а матушка хотя не баловала, но любила нас, и нам было хорошо. Впоследствии присоединили к Ирине Федоровне французенку Розу Ивановну, а нанятый отцом моим архитектор⁹ вместо мела дал мне карандаш в руку и начал свои уроки рисования, как водится, с глаз, носов, ушей и пр., требуя безотчетного от меня механического подражания,— при всем том, однако ж, я быстро успевал. Сверх того, один дальний родственник, любознательный, бодрый и приятного нрава старичок, нередко навещал нас — любил рассказывать мне о далеких краях, о диких людях, о климатах и произведениях тропических стран и, видя, с какою жадностью я его слушал, привез мне книгу под названием «О странствиях вообще», изданную в царствование Екатерины 2-й¹⁰.

Я с рвением принялся за чтение этой книги, и, сколько помню, она содержала отрывки из путешествий знаменитого Васко де Гама. Я получил от него же впоследствии другие тома этого собрания путешествия, и когда дело дошло до описания острова Цейлона, Суматры, Явы и других островов Индейского архипелага, то мое воображение так разыгралось, что я принялся изучать описание этих прелест-

ных островов и начал делать извлечения из вышеозначенных книг, что и послужило основанием моей страсти к географии и путешествиям.

Музыкальное чувство все еще оставалось во мне в неразвитом и грубом состоянии. Даже по 8-му году, когда мы спасались от нашествия французов в Орел¹¹, я с прежнею жадностью вслушивался в колокольный звон, отличал перезвон каждой церкви и усердно подражал ему на медных тазах.

Всегда окруженный женщинами, играя только с сестрою и дочерью няни, я вовсе не походил на мальчиков моего возраста, притом страсть к чтению, географическим картам и рисованию, в котором я начал приметно успевать, часто отвлекала меня от детских игр, и я по-прежнему был нрава тихого и кроткого.

У батюшки иногда собиралось много гостей и родственников; это случалось в особенности в день его ангела или когда приезжал кто-либо, кого он хотел угостить на славу. В таком случае посылали обыкновенно за музыкантами к дяде моему (брату матушки) за 8 верст¹². Музыканты оставались несколько дней, и когда танцы за отъездом гостей прекращались, играли, бывало, разные пьесы.

Однажды (помнится, что это было в 1814 или 1815 году, одним словом, когда я был по 10 или 11-му году) играли квартет К р у з е л я с кларнетом; эта музыка произвела на меня непостижимое, новое и восхитительное впечатление — я оставался целый день потом в каком-то лихорадочном состоянии, был погружен в неизъяснимое, томительно-сладкое состояние и на другой день во время урока рисования был рассеян; в следующий урок рассеянность еще увеличилась, и учитель, заметя, что я рисовал уже слишком небрежно, неоднократно журил меня и наконец, однако ж, догадавшись, в чем дело, сказал мне однажды, что он замечает, что я все только думаю о музыке; «ч т о ж е д е л а т ь? — отвечал я, — м у з ы к а — д у ш а м о я»¹³.

И действительно, с той поры я страстно полюбил музыку. Оркестр моего дяди был для меня источником самых живых восторгов. Когда играли для танцев¹⁴, как-то: экосезы, матрадур, кадрили и вальсы, я брал в руки скрипку или маленькую флейту (*piccolo*) и поддывался под оркестр, разумеется, посредством тоники и доминанты.

Отец часто гневался на меня, что я не танцую и оставляю гостей; но при первой возможности я снова возвращался к оркестру. Во время ужина обыкновенно играли русские песни, переложенные на 2 флейты, 2 кларнета, 2 валторны и 2 фагота, — эти грустно-нежные, но вполне доступные для меня звуки мне чрезвычайно нравились (я с трудом переносил резкие звуки, даже валторны на низких тонах, когда на них играли сильно), — и, может быть, эти песни, слышанные мною в ребячестве, были первою причиною того, что впоследствии я стал преимущественно разрабатывать народную русскую музыку.

Период 3

*От первого проявления музыкального чувства
до отъезда в С.-Петербург*

Около этого времени выписали нам гувернантку Варвару Федоровну Кламмер из Петербурга¹⁵. Это была девица лет 20, высокого роста — строгая и взыскательная. Она, если не ошибаюсь, воспитывалась в Смольном монастыре и взялась учить нас по-русски, по-французски, по-немецки, географии и музыке. Пошли в ход грамматики, разговоры (dialogues), краткие описания земель и городов и пр., — все это надлежало заучивать в долбяшку (школьное выражение), т. е. когда спрашивали — отвечать не заминаясь, не изменив и не проронив ни одного слова. Хотя музыке, т. е. игре на фортепиано и чтению нот нас учили также механически, однако ж я быстро в ней успевал. Варвара Федоровна была хитра на выдумки. Как только мы с сестрой начали кое-как разбирать ноты и попадать на клавиши, то сейчас она приказала приладить доску к фортепиано над клавишами так, что играть было можно, но нельзя было видеть рук и клавишей, и я с самого начала привык играть не смотря на пальцы.

Вскоре после того взяли одного из первых скрипачей моего дяди учить меня на скрипке. К сожалению, сам он играл не совсем верно, а действовал смычком весьма неразвязно (гаиде), что сообщил и мне.

Хотя я любил музыку почти бессознательно, однако ж очень хорошо помню, что предпочитал те пьесы, кои были доступны моим тогдашним музыкальным понятиям. Оркестр вообще я любил более всего, а из оркестровых пьес после русских песен предпочитал увертюры: «Ma tante Aurore» Буальдьё, «Lodoiska» Крейцера, «Deux aveugles»* Мегюля. Эти две последние охотно я играл на фортепиано, равно как некоторые сонаты Штейбельта, в особенности rondo «L'orage»**, которое исполнял довольно опрятно¹⁶. Gyrovetz (чех Гйровец) мне весьма не нравился, отчасти потому, что я находил его сонаты слишком длинными и запутанными, а еще более по той причине, что они были очень дурно напечатаны и в пасмурные дни я плохо разбирал эту музыку, за что нередко мне доставалось карандашом по пальцам.

Период 4

*От поездки в С.-Петербург до выпуска
из Благородного пансиона*

В начале зимы 1817 года матушка, брат ее (дядя, которому принадлежал оркестр), Варвара Федоровна и я с сестрой отправились

* «Моя тетушка Аврора», «Лодоиска», «Двое слепых» (франц.).

** «Гроза» (франц.).

в С.-Петербург. Это путешествие предпринято было для помещения меня в новооткрытый Благородный пансион при Главном педагогическом институте¹⁷. Хотя я и теперь ясно помню некоторые подробности этого путешествия, однако же умолчу о них, ибо они к делу не относятся.

Когда мы въехали в нашу северную столицу, вид огромных строительных домов и улиц произвел на меня волшебное действие, и долго, долго сохранилось впечатление восторга и удивления,— мои тогдашние понятия об архитектурном достоинстве были столь же безответны, как об музыке; пятиглавые соборы в русском роде казались мне торжеством искусства, и Казанский собор мне вовсе не понравился.

Вскоре приехал батюшка и, сейчас познакомься с инспектором пансиона Линдквистом и разузнавши все, приступил к делу. Пансион наш помещался в доме Отто у Калининна моста возле больницы¹⁸. Отец мой не щадил для меня издержек и потому поместил меня с тремя другими одинакового со мною возраста воспитанниками¹⁹ с особенным гувернером (В. К. Кюхельбекером) в мезонине того же дома; там нашлось место и для фортепиано, которое вскоре заменили роялем Тишнера. Тишнер в то время был лучшим мастером в Петербурге, и механизм его роялей допускал возможность играть чрезвычайно отчетливо²⁰.

Не стану исчислять всех предметов, которые нам преподавали, скажу только, что я, особенно сначала, усердно занимался во всех классах. Впоследствии любимыми предметами моими были языки: латинский, французский, немецкий, английский и потом персидский. Из наук: география и зоология. Я сделал столь быстрые успехи в арифметике и алгебре, что был репетитором последней из них. Пройдя геометрию, я вовсе оставил математику, вероятно потому, что в высших классах число предметов значительно увеличилось.

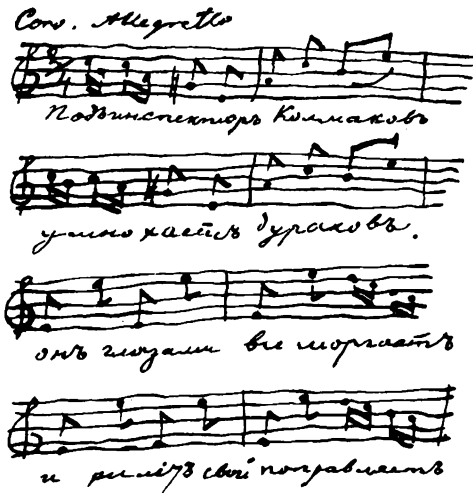
Профессоры старших классов были люди с познаниями, образованные и большею частью окончившие воспитание в германских университетах²¹. Одним словом, в высших классах преподавали гг. профессора Педагогического института. В числе их были: известный Раупах, профессор немецкой литературы, Арсеньев, профессор географии и статистики, Куницын — прав и пр.²²

Между преподавателями в низших классах встречались оригиналы; а между гувернерами были такие забавные типы, что до сих пор воспоминание о них сохранилось у всех наших пансионских товарищей. Упомяну здесь о некоторых.

Господин, мусье, мистер Биттон (как его называли дядьки*) был грубый англичанин (вероятно, из шкиперов), он чрезвычайно любил молочную рисовую кашу и в тот день, как ее подавали, избирал между младшими воспитанниками несколько жертв, которые непременно должны были либо не знать заданных

* Дядьками именовались у нас люди, служившие за столом во время обеда и ужина.— *Примеч. Глинки.*

им английских слов, либо произносить их неудовлетворительно, за что он кричал: «Посиди на ваши колени» — возвышая голос, а после третьего раза давал бедному воспитаннику такую сильную подножку, что под ним невольно сгибались колени. Вечером, за ужином, дядька Савелий все порции рисовой каши, отнимаемые у наказанных, относил в дортуар господина, мусье, мистера Биттона, который ночью алчно пожирал свою добычу. Господин Гёк, немец в рыжем парике, придерживался другой системы — нередко к концу обеда слышался его сентиментальный голос, определявший наказание виновным следующим образом: «Messieurs tel et tel privés du jardin et du dernier plat»*. Бойкий француз Трипе мастер был играть в лапту, но мы его не любили за его грубое с нами обращение: по справкам оказалось, что настоящее его ремесло была мелкая торговля. К сему же разряду людей должно отнести злого piemontца Еллену, мучившего нас маршировкой, о которой он сам не имел понятия. Поляк Якукевич, весьма неопрятного вида, не знавший ничего, кроме бильярда, и всегда почти несколько пьяный Лумберг, финского происхождения, довершали собрание наших оригиналов. Но Иван Екимович, наш добрый подзинспектор Иван Екимович Колмаков, был нашим утешением, когда он появлялся, мы всегда приходили в веселое расположение. Его забавные выходки, сопровождаемые морганием и странными ужимками, сделались известны многим не знавшим его лично²³.

Сей исторический кант певали мы в пансионате во время обеда и ужина. Две залы, назначенные для трапезы воспитанников (числом более 100 человек), были несколько узки, но длинные; столы ставились по направлению длины залы, так что от одного конца до противоположного расстояние было значительное. Иван Екимович.

* «Господа такой-то и такой-то лишены прогулки и сладкого блюда» (франц.).

будучи подынспектором, являлся, как только мы садились за столы, и в сапогах с кисточками, в серых брюках, в светло-коричневом фраке и с лысинкой на темени; он ходил важно взад и вперед, моргая глазами и поправляя жилет. Воспитаннику Соболевскому (который впоследствии написал столько превосходных эпиграмм) вздумалось воспеть Ивана Екимовича; я подобрал на стихи модную в это время песню Кавоса «Д у ш а л ь м о я, д у ш е н ь к а»²⁴. Выучить ее было нетрудно, напев известен был всем, а стихи невольно оставались в памяти. Хотя мы все любили Ивана Екимовича за его неизреченную доброту, не могли, однако ж, утерпеть, чтобы не подтрунить над ним, а сие тем более, что И. Е. и з в о л и л и г н е в а т ь с я (слова И. Е.) весьма забавным образом. В таких случаях плоское, рябоватое лицо его, с носом вроде пуговицы, краснело; судорожные движения при моргании, поправлении жилета, поднимавшегося вверх, усиливались, а голос возвышался до самых острых и визгливых нот с о п р а н о.

Вот однажды во время трапезы является Иван Екимович, ходит с обычною важностию взад и вперед — и что же? Нечто вроде серенады раздается вполголоса в одном из углов залы. И. Е. останавливается, слушает — подозревает — слышит наконец, что упоминают и о нем; начинает догадываться и решительно обращает шаги свои в сторону, откуда раздавались звуки. Напрасно! Уста беззаботно, но весьма усердно жевали неприхотливые блюда нашей скудной трапезы, а песнь, не умолкая, уже перешла в противоположную сторону залы. Иван Екимович туда — то же усердие к яствам, а песнь по-прежнему перенеслась в противоположную сторону. И. Е. останавливается, краснеет, дрожит и визгливым дишкантом возглашает: мальчишки, невежи и тому подобное.

Все это не мешало нам, однако ж, от времени до времени тешиться этим кантом, и, сколько помнится, И. Е. всегда г н е в а л и с ь, но не н а к а з ы в а л и. Вообще, он был добрый и честный человек; сам о себе под веселый час говорил: «Ванька Колмаков добрый мужик и честный христианин», или же — «честный мужик и добрый христианин».

И. Е. любил общество приятелей — не презирал даров Бахуса, по 8 пуншу говаривал, что я з ы к х у д о в о р о ч а е т с я, однако ж прибавлял: «П о ш а т н у с ь — в а л я т ь с я н е л ю б л ю, — д о в о л ь н о!»

Науки были для И. Е. истинным наслаждением — господствующею страстию. Он все знал, все помнил, охотно заступал место не-пришедшего профессора и объяснял любому воспитаннику по малейшему намеку все. Даже в чужих классах подсказывал нетвердо знавшим урока, несмотря на неоднократные выговоры инспектора Якова Васильевича Толмачева, который нередко называл его дураком.

Любовь к наукам необыкновенно воодушевляла И. Е. — и по мере усиления восторга, им овладевавшего, язык его становился избретательнее и находчивее. Неожиданные обороты, затейливость, шутка, необыкновенная перестановка слов и сжатость речи (рас-

nisme) были отличительной чертой его способа выражения. Приведу здесь для образца его затейливости еще одно из его выражений (Однажды рассказывая нам об одном из походов своей юности он окончил свой рассказ словами: «знали; но подозрения не было; было известно; но не подозревали!»)

По окончании курса И. Е. был любимым и всегда забавным нашим собеседником. В пансионате с его помощью я читал отрывки из «Превращений» Овидия, и ему первому обязан знакомством с латинской литературой.

По приезде в Петербург я учился играть на фортепиано у знаменитого Фильда и, к сожалению, взял у него только три урока, ибо он уехал в Москву²⁵. Хотя я слышал его не много раз, но до сих пор помню его сильную, мягкую и отчетливую игру. Казалось, что не он ударял по клавишам, а сами пальцы падали на них, подобно крупным каплям дождя, и рассыпались жемчугом по бархату. Ни я, ни другой искренний любитель музыкального искусства не согласился с мнением Листа, сказавшего однажды при мне, что Фильд и гражвяло (endormi); — нет, игра Фильда была часто смела, капризна и разнообразна, но он не обезображивал искусства шарлатанством и не рубил пальцами котлет, подобно большей части новейших модных пьянистов²⁶.

В три взятые мною урока я выучил его второй дивертисмент (E-dur) и получил от него лестное одобрение.

По отъезде Фильда взяли мне в учителя ученика его Омана который начал со мною первый концерт Фильда (Es-dur), после него Цейнер (Zeuner) усовершенствовал еще более механизм моей игры и несколько даже и стиль (способ игры — le style)²⁷. Преподавание же теории, а именно интервалов с их обращением и ями, шло не так успешно. Цейнер требовал, чтобы я учил его уроки в долбяшку, а это мне надоело, почему я впоследствии взял в учителя Карла Мейера, который со временем сделался моим приятелем; он более других содействовал развитию моего музыкального таланта. В день выпуска 1822 года я сыграл публично а-мольный концерт Гуммеля, а Мейер аккомпанировал мне на другом рояле²⁸. На скрипке шло не так удачно. Хотя учитель мой, первый концертист Бём, играл верно и отчетливо, однако не имел дара передавать другим своих познаний, и когда я дурно владел смычком, говорил: «Messieur Klinka, fous ne chouerez jamais du violon»*.

Несмотря на то, что я мало успевал, я уже мог играть в оркестре дяди. В 1819, 1820 и 1821 годах во время вакаций я посещал родителей. Оркестр дяди усовершенствовался и увеличился несколькими мальчиками, которых отец отдал учиться, чтобы иметь собственную бальную музыку. Сверх того, для младших сестер наняли гувернантку, муж которой, Карл Федорович Гемпель, сын органиста

* «Господин Глинка, вы никогда не будете владеть скрипкой» (франц.). — В этой фразе Глинка шутливо подчеркивает ее произношение Бёмом на немецкий лад.

из Веймара, был хороший музыкант: он в свободные часы отправлялся со мною к дядюшке Афанасию Андреевичу. Вместе восхищались мы музыкой, но, сознаюсь в моем тогдашнем невежестве, будучи уже несколько знаком с увертюрами Керубини и Мегюля, с большим удовольствием слушал я увертюры Россини. Из них «Сенегентола»* так даже мне понравилась, что мы с Гемпелем переложили ее на фортепиано в 4 руки и нередко потешались, играя ее²⁹. Около этого времени или прежде также жил у нас италианец Тоди, обучавший пению, и столь же плохой музыкант, как и все подобные ему птицы певчие.

Во время пребывания в пансионе, и даже вскоре по приезде в Петербург, родители, родственники и их знакомые возили меня в театр; оперы и балеты приводили меня в неописанный восторг.

Надобно заметить здесь, что русский театр в то время не был в таком бедственном состоянии, как ныне**, от постоянных набегов итальянцев. Несведущие, но напыщенные своим мнимым достоинством, итальянские певуны не наводняли тогда, подобно корсарам, столиц Европы. К моему счастью, их тогда не было в Петербурге, почему репертуар был разнообразный. Я видел оперы: «Водовоз» Керубини, «Иосиф» Мегюля, «Жоконда» Николо Изуара, «Красная Шапочка» Буальдьё. Теноры: Климовский и Самойлов, бас Злов были певцы весьма примечательные, а известная певица наша Сандунова хотя уже не играла на театре, но участвовала в больших концертах, и я слышал ее в ораториях³⁰. Тогда я худо понимал серьезное пение, и солисты на инструментах и оркестр нравились мне более всего. В один из приездов моего отца в Петербург он повез меня ко Львовым³¹, и нежные звуки милой скрипки Алексея Федоровича глубоко врезались в моей памяти.

В последний год курса, около зимы с 1821 на 22 год, приехал в Петербург дядя Афанасий Андреевич; я воспользовался неважным расстройством здоровья, чтобы на время переехать к нему. Жили мы в доме генерала Василия Васильевича Энгельгардта (племянника фельдмаршала князя Потемкина-Таврического)³². Он благоволил ко мне, и впоследствии я сохранил дружеские отношения к его сыновьям и их семействам. Внук же генер[ала] Василия Васильевича, Василий Петрович, воспитанный в Училище правоведения, в молодом возрасте страстно полюбил музыку. У него теперь хранятся все мои рукописи, которые можно было отыскать, а в копиях то, что в рукописях утратилось***³³. В последнее время его деятельной и искренней дружбе я одолжен большею частью моих музыкальных наслаждений.

Всякий раз, когда мне удавалось отпроситься на несколько времени из пансиона, я был чрезвычайно рад: старик генерал меня жаловал; в непродолжительном времени я подружился с одноклассницей,

* «Золушка» (итал.).

** Писано в 1854 году. — Примеч. Глинки.

*** В копии рукой Л. И. Шестаковой сделана помета: «Они отданы в П[убличную] биб[лиотеку]».

моей двоюродной сестрой Софьей Ивановной, девушкой отличного воспитания, доброй, милостивой и любившей также музыку и чтение. Отец ее, Иван Андреевич (брат Афанасия Андреевича), был хороший музыкант, у него был большой запас разных пьес, преимущественно увертюры для фортепиано в 4 руки: тут были увертюры Керубини, Мегюля, Моцарта, Ригини, Спонтини, Паэра и Россини. Все это мы довольно охотно играли и потешали наших знакомых. Я не пропускал случая быть где-либо на концерте, и всякий раз, когда только было возможно, возили меня к П. И. Юшкову, где еженедельно играли и пели*. Оркестр, хотя и не совсем полный, был хорош³⁴. Дядюшка Афанасий Андреевич повез меня однажды к знаменитому Гуммелю, в бытность его в Петербурге³⁵, — он благосклонно выслушал, как я сыграл ему первое соло его а-т о l l концерта. Потом нам импровизировал: он играл мягко, отчетливо и как бы уже прежде им сочиненную и хорошо затверженную пьесу.

В начале весны 1822 года представили меня в одно семейство, где я познакомился с молодой барыней красивой наружности; она играла хорошо на арфе и, сверх того, владела прелестным сопрано. Голос ее не походил ни на какой инструмент; это был настоящий звонкий серебряный сопрано, и она пела естественно и чрезвычайно мило. Ее прекрасные качества и ласковое со мною обращение (она называла меня племянничком, а я ее тетушкой) расшевелили мое сердце и воодушевили мое воображение. Она любила музыку и часто целые часы, сидя подле фортепиано, когда я играл с дядею, подпевала нам в любимых ею местах своим звонко-серебряным голосом. Желая услужить ей, вздумалось мне сочинить вариации на любимую ею тему (C-dur) из оперы Вейгля «Швейцарское семейство». Вслед за тем написал я вариации для арфы и фортепиано на тему Моцарта (Es-dur). Потом собственного изобретения вальс для фортепиано (f-dur)³⁶. Более этого я не помню; знаю только, что это были первые мои попытки в сочинении, хотя я еще не знал генералбаса, и что я тогда в первый раз познакомился с арфою — прелестным инструментом, если его употреблять вовремя.

Это поэтическое препровождение времени отвлекало меня от дела, и я всегда находил способ в последний год пребывания в пансионе под предлогом болезни гостить у дядюшек; до того же времени я учился примерно, вел себя хорошо, был любим столько же товарищами, сколько отмечен профессорами. В 19, 20 и 21 годах получил на экзамене похвальный лист, гравюру и другие награды. Кстати о гравюре. В рисовании я без сомнения дошел бы до некоторой степени совершенства, но академики Бессонов и Суханов замутили меня огромными головами и, требуя рабского подражания, штрих в штрих, довели до того, что я просто отказался от их уроков. Математику я разлюбил, когда дошел до аналитики; уголовное и римское право мне вовсе не нравилось. В танцах я был плох, равно как и в фехтовании; нашими учителями были Севербрик и

* Рукой Глинки карандашом сделана надпись: «Отзыв о Мейере».

Гавеман. Первый часто говаривал: «Эй, Глинка, заколю!» — и действительно колол меня.

Преимущественно я успевал в языках. Немецкому выучился в полгода, к изумлению профессора. Латинский с И. Е., английский и персидский с профес[сором] Джафаром шли удачно. Географию знал хорошо, историю порядочно. Естественные науки, в особенности зоологию, любил страстно. Еще до пансионата я начал замечать дивное разнообразие естественных произведений. У дядюшки Афанасия Андреевича было множество птиц в клетках и в отделенной сеткой части гостиной, где они летали. Я любил смотреть на них и слушать их пение. Нам досталось тогда множество птиц по наследству от дяди (брата отца)³⁷. В самый год отъезда из деревни в Петербург у меня уже летали птицы в комнате, а когда мы жили у Калининна моста, над мезонином, где я был помещен, как уже было сказано, отцом моим, в большом чердаке, мезонину принадлежавшем, разведены были разного рода голуби и кролики, которые там превосходно водились. Более же всего способствовали развитию страсти моей к зоологии посещения нами Кунсткамеры под руководством профессора Зембницкого, который объяснял нам предметы³⁸.

За несколько времени до выпуска я принялся за науки, надеясь на мою память; но догнать товарищей было невозможно. Математику я давно оставил и очень хорошо помню, что из уголовного права, выучив только одну статью, на вопрос профессора ответил ему совсем не то, о чем он спрашивал, но так ловко, что экзаменатор, профессор Зябловский, остался много доволен, несмотря на худо скрытый гнев профессора прав. Одним словом, отчасти за прежние заслуги, отчасти от ловких моих уверток произошло, что в начале лета 1822 года я был выпущен первым, с правом на чин 10-го класса³⁹.

Период 5*

От выпуска из пансионата до первой поездки за границу

Я не сейчас вступил по выпуске в службу. Кажется, навестил родителей и, возвратившись в Петербург, поселился неподалеку от бывшего прежнего инспектора Линдквиста, у которого завтракал и обедал за условленную плату. Отец желал, чтобы я служил по Иностранной коллегии, которая считалась в то время почетнейшею службою. А. А. Линдквист участвовал в редакции *Journal de St.-Petersbourg* и мог быть мне весьма полезен, познакомив меня с французским дипломатическим языком. Плохо, однако же, шли наши занятия, — мне этот язык, вовсе не поэтический, казался чем-то диким и никак не входил в голову. С Мейе-

* Здесь Глинкой ошибочно поставлено: «Период 4-й», что повторяет обозначение предыдущего периода. В связи с этим здесь и дальше нумерация периодов расходится с авторской на единицу.

ром и даже Бёмом, напротив того, я быстро успевал. Не помню, однако же, сочинял ли я что в это время и учился ли теории? Помню весьма хорошо, что я взял несколько уроков у Фукса, но когда то было, определить не могу⁴⁰.

В начале марта 1823 года отец известил меня, что ему угодно было, чтобы я воспользовался представившимся удобным случаем для поездки на Кавказ, чтобы пользоваться там минеральными водами*. Я немедленно собрался в путь, тем более что отъезд моего дяди Ивана Андреевича с двумя дочерьми, Софьей и Евгениею Ивановнами, представил мне весьма удобный и приятный способ доехать до нашего села Новоспасского. Выехав в марте, т. е. в самую распутицу, едва продвигались мы в четвероместной старинной крытой линейке с фартухами. Путешествие это было приятно. С Софьей Ивановною я был дружен, а Евгения Ивановна, только что выпущенная из Екатерининского института, была премилая и презабавная девушка. Малейшее приключение давало повод к смеху или непритворной радости. Так, напр[имер], однажды, остановясь ночью на станции, мы застали там несколько кадет; один из них был лунатик и всякую ночь имел привычку прятать сапоги своих товарищей. Потом в 400 верстах наша линейка увязла в полурастопившемся снегу так, что впряженные почтовые лошади вытащить ее не могли; пришлось посылать искать помощи. К счастью, это случилось неподалеку от богатого помещика Жеребцова, который прислал за нами прекрасных лошадей с экипажами и потом несколько дней продержал нас, угощая с невыразимым радушием. Сам он был человек веселый и словоохотливый, любил жить весело. Был у него домашний театр, представления на котором были забавны, но еще забавнее были репетиции; так, напр[имер], на репетиции «Русалки» Кауера⁴² явились актеры — дворовые люди, в самых разнообразных фантастических костюмах, каждый — в соответствующем его должности или занятию.

Доехав до дому, я пробыл там до последних чисел апреля. Отец снабдил меня коляской, дал мне человека (моего бывшего дядьку по имени Илью) и повара Афанасия. Выехав из дому в сырую и свежую погоду, чрез несколько дней около Орла повеяло теплым дыханием весны, а переехав Окку, очутился я уже в другой, новой для меня южной полосе. Дубовые рощи заменили наши березовые, по оврагам вместо лозы начали появляться груши, яблони и вишни в цвету, вид полей и деревень с беленькими мазанками вместо черных бревенчатых изб, не регулярно тянующихся, но живописно разбросанных, — все это тешило взор днем, а ночью ясное, усеянное ярко-блестящими звездами небо восхищало меня. Таким образом прибыл я в Харьков к 10 мая. Отец желал, чтобы я отправился на Кавказ, потому что ехал туда знакомый его, человек образованный и солид-

* В одну из моих поездок из пансиона к родителям, во время вакаций, будучи у замужней двоюродной сестры⁴¹, которую лечили (и потом вылечили) магнетизмом, в один из сеансов в состоянии ясновидения она сказала, что для моего золотушного расположения мне будут полезны кавказские минеральные воды. — *Примеч. Глинки.*

ный, бывший управляющий Смоленской удельной конторы Петровский-Муравский, и в то же время один из смоленских врачей, Лазарь Петрович Быковский, отправлялся туда же с семейством. С первым из них я должен был съехаться в Харькове. Чтобы не терять времени, я, по совету одного петербургского знакомого, отрекомендовался, сколько умел, г-ну Витковскому, у которого был в то время весьма хороший музыкальный магазин в Харькове. Сыграв первое соло концерта а-moll Гуммеля, я произвел столь приятное впечатление, что сейчас же познакомился с музыкальным семейством хозяина — и меня до самого приезда ожидаемого мною товарища потешали музыкою.

Наконец прибыл товарищ с братом своим, и мы отправились далее. Вскоре беспредельные степи сменили живописную Украину, мы переехали Д о н в Оксае и очутились в Азии⁴³, что несказанно льстило моему самолюбию. Скажу, однако же, что до самого прибытия на серные воды (н ы н е П я т и г о р с к) взор не находил предметов приятных, напротив, почти ничего не было видно, кроме беспредельных степей, заросших густой, высокой ароматической травой. Вид теперешнего Пятигорска в то время был совершенно дикий, но величественный; домов было мало, церквей, садов вовсе не было; но так же, как и теперь, тянулся величественно хребет Кавказских гор, покрытых снегом, так же по равнине извивался ленточкой П о д к у м о к, и орлы во множестве ширяли по ясному небу.

Я с товарищами* поселился в скромном домике. Житье было приятное; товарищ привез запас книг, кухня была в порядке: отличная баранина, куры, дичь и превосходнейшие овощи давали нашим поварам возможность хорошо кормить нас, а сантуринское вино (которое я и теперь еще пью охотно) заменяло нам дорогие ф р я ж с к и е вина. Вообще мне там было хорошо, особенно в Пятигорске. Между прочим я видел пляску черкешенок, игры и скачку черкесов, мирных аулов, разумеется⁴⁴. Были у меня также ручные дикие козочки.

Вскоре по приезде мы приступили к лечению, т. е. начали брать теплые серные ванны и пить воду из так называемого к и с л о с е р н о г о источника. Впоследствии я купался, или, лучше, варили меня в ванне, иссеченной еще черкесами в камне, откуда шла струя серной воды в 37 или 38 градусов по Реомюру. Товарищу воды чрезвычайно помогли и поставили на ноги (он с трудом двигался). Вероятно, и я бы получил от них значительную пользу, если бы сообразовались с моим слабонервным сложением и заставляли бы меня меньше пить и купаться в воде, разведенной с прохладенною прежде, как то делается в Ахене.

Взявши несколько ванн к и с л о с е р н ы х, отправились мы на железные воды, расположенные посреди лесов, на площадке на половине горы. Местоположение этих вод дикое, но чрезвычайно живо-

* На полях рукой Глинки сделана надпись карандашом: «NB Тимковский и представление К. Меньшикову».

писное; был тогда один только деревянный дом для помещения пользующихся; кто не находил там пристанища, разбивал палатку из войлока, и ночью, когда мелькали огоньки, площадка эта походила на кочевье диких воинов. Остаток горы до самой вершины покрыт был густым лесом; дикий виноградник оплетал целые купы кустарников и мелких деревьев; орлы летали почти над головами. Однажды я видел, как туча, пронесшаяся в нашу сторону, покрыла нас всех своим густым туманом.

После нескольких ванн железной воды в 32 град[уса] по Реомюру я начал чувствовать себя дурно, а вскоре жестокие головные боли принудили меня, равно как и товарища, оставить эти воды. Мы отправились в Кисловодск и, помнится, ехали с конвоем и пушкой, что объясняется тем, что в следующем 1824 году черкесы учинили сильное нападение и вырезали несколько близлежавших деревень.

Местоположение Кисловодска веселее Пятигорска, но в мое время было там еще мало домов, а дерев вовсе не было. На плоских вершинах пригорков, расположенных грядами и весьма похожих на окружающие в Кастилии город *Вальядолида* *ragatos* (парамос), густая ароматическая трава (в июле и августе, когда на равнинах все уже выгорело от зноя) возвышалась так, что покрывала коня с всадником до шапки.

И здесь надлежало пить воду и купаться в нарзане (8 град[усов] по Реомюру), — и здесь дело шло столь же неудачно, как и на железных водах. Вскоре я почувствовал лишение сна и аппетита, и доктор Быковский сам убедился, что мне *нарзан* вреден, и, чтобы исправить расстроенный желудок, пользовал меня (не без успеха) горькими, настоенными в вине, травами. Сон же не мог так скоро возвратиться, отчасти оттого, что нелегко успокоить однажды раздраженные нервы, а также и от земляных блох, которые по ночам не давали мне возможности сомкнуть глаз.

На обратном пути, расставшись с товарищем в Харькове, я почувствовал, приближаясь к Орлу, лихорадочные припадки и, остановясь по прибытии в Орел у знакомого купца, занемог лихорадкою с нарывами на местах, где были лишай от рождения. Через несколько дней болезнь миновалась сама собою, а с ней исчезли и лишай. Полагали, что я радикально вылечен, но весьма ошиблись, как это окажется впоследствии.

В начале сентября я возвратился в Новоспасское и, отдохнув, с новым рвением принялся за музыку. Во время путешествия, продолжавшегося 4 месяца, в одном только Харькове у меня было фортепиано, а на скрипке я играл весьма неудовлетворительно. Сверх того, раздражительное действие минеральных вод и множество новых впечатлений возбудили мое воображение, и я принялся за дело следующим образом: чтобы добиться более отчетливого исполнения, всякий раз, когда приезжали музыканты (а это было приблизительно два раза в месяц, причем они оставались несколько дней, а иногда около недели), прежде общей пробы я проходил с каждым музыкантом, исключая немногих лучших, его партию, до тех пор пока не было ни

одной неверной или даже сомнительной ноты в исполнении. Таким образом я подметил способ инструментовки большей части лучших композиторов для оркестра (Глюка, Генделя и Баха я знал только понаслышке). Потом слышал общий эффект пьесы, ибо, производя первые пробы вместе, сам я управлял оркестром, играя на скрипке, когда же пьеса шла порядочно, я отходил на некоторое расстояние и следил таким образом эффект изученной уже инструментовки. Репертуар состоял по большей части из увертюр, симфоний, а иногда игрались и концерты. Из увертюр были:

C h e r u b i n i: «Medea»,
«Hôtellerie portugaise»,
«Faniska»,
«Lodoiska»,
«Les deux journées»*;

первые две были моими любимыми.

M é h u l: «Joseph»,
«Le trésor supposé»,
«L'irato»**,

M o z a r t: «Don Juan»,
«Zauberflöte»,
«Clemenza di Tito»,
«Nozze di Figaro»***,

B e e t h o v e n: «Fidelio» (E-dur).

B e r n h a r d R o m b e r g (Es-dur) и М а у р е р а, к которой не доставало альтовой партии, и я, разложив остальные партии по стульям и сравнивая их, написал альт, и, полагаю, совершенно безошибочно.

Симфонии было три:
Г а й д н а В - d u r,
М о ц а р т а g - m o l l,
B e e t h o v e n 2-я D - d u r.

Эту последнюю я любил в особенности.

Р о с с и н и увертюр уже не играли: в последнее время пребывания моего в Петербурге Мейер значительно развил мой музыкальный вкус; он не ограничился тем только, что, требуя от меня отчетливого и непринужденного исполнения, восставал решительно противу изысканного и утонченного выражения в игре, но также, по возможности соображаясь с тогдашними моими понятиями, объяснял мне естественно и без педантизма достоинство пьес, отличая классические от хороших, а сии последние — от плохих. О сочинении вообще, о генерал-басе, контрапункте и других условиях хорошего способа писать мои понятия были столь неопределенны, что я принимался за

* Керубини: «Медея», «Португальская гостиница», «Фаниска», «Лодоиска», «Два дня».

** Мегюль: «Иосиф», «Мнимое сокровище», «Гнев».

*** Моцарт: «Дон-Жуан», «Волшебная флейта», «Милосердие Тита», «Свадьба Фигаро».

перо, не зная ни с чего начать, ни как и куда идти? Я предпринял писать сперва Септет, потом Adagio и Rondo для оркестра⁴⁵.

Если эти пьесы уцелели между хранящимися у В. П. Энгельгардта моими манускриптами, то могут только послужить доказательством тогдашнего моего невежества в музыке.

В марте или апреле 1824 года я возвратился в Петербург, искав квартиру в Коломне, не спешил, однако же, определением на службу. Со мною, кроме дядьки Ильи, было двое музыкантов, один из них Яков (впоследствии известный всем по карикатурам Н. Степанова), игравший несколько на виолончели, и брат его Алексей, уже довольно порядочный скрипач. Сему последнему наняли в учителя первого скрипача оркестра П. И. Юшкова⁴⁶; я же с новым рвением принялся за фортепиано и скрипку. Карл Мейер уже не давал мне уроков; он сказал однажды: «Vous avez trop de talent pour que je vous donne des leçons, venez en ami tous les jours et nous ferons de la musique ensemble»*. Я с искреннею признательностию вспоминаю об этих дружеских выражениях, которые оправдались на деле. Я посещал почти ежедневно Мейера, который жил с матерью своею и сестрами; с старшей из них Henriette (потом m-me G a r e g n a n i) я нередко игрывал в 4 руки. Мейер же сам задавал по-прежнему мне различные пьесы, иногда свои, а чаще еще Гуммеля. Весьма терпеливо рассматривая мои опыты в сочинении, он объяснял мне, сколько умел, правила искусства, никогда, однако же, не ставя себя и своего стиля образцами⁴⁷. Напротив того, Моцарт, Керубини, Бетховен и другие классики были в таких случаях указываемы им как высшая степень совершенства. Был в то время в Петербурге знаменитый контрапунктист М и л л е р; но мне как-то не удавалось познакомиться с ним. Как знать? Может быть, оно и лучше. Строгий немецкий контрапункт не всегда соглашается с пылкой фантазией⁴⁸.

В начале весны того же 1824 года я встретился с одним дальним родственником, который представил меня в дом зятя своего (beau-frère), бывшего тогда правителем канцелярии Совета путей сообщения⁴⁹. У него было вакантное место помощника секретаря с приличным окладом. Отец в то время с трудом удовлетворял моим издержкам на уроки музыки и языков; притом же думал я начать службу где бы ни было, все равно, потом можно будет перейти и в Коллегию иностранных дел; да правду сказать, не чувствовал я особенного призвания к дипломатической службе. Таким образом, 1824 года мая 7 я вступил в службу в канцелярию Совета путей сообщения помощником секретаря. Это обстоятельство имело важное влияние на судьбу мою. С одной стороны, я должен был находиться в канцелярии только от 5 до 6 часов в день, работы на дом не давали, дежурства и ответственности не было, следовательно, все остальное время я мог предаваться любимым моим занятиям, в особенности музыке.

* «Вы слишком талантливы, чтобы брать у меня уроки, приходите ко мне за просто каждый день, и будем вместе музицировать» (франц.).

С другой стороны, мои отношения по службе доставили мне в короткое время знакомства, весьма полезные в музыкальном отношении.

В канцелярию нашу поступали дела из департамента, которые у нас готовились для доклада совету, состоявшему из 4 генералов⁵⁰, старший член был граф Сиверс, человек ученый, любознательный и большой любитель музыки, и, что еще лучше, хорошей классической музыки. Графиня Сиверс пела первого сопрано — у нее был голос верный, звонкий и приятный. Второго сопрано пела г-жа Крюковская. Брат графини Крюднер и Гиппиус, оба хорошие музыканты, пели басовые партии. Первого тенора — брат Гиппиуса, а когда случалось нужно, я пел второго тенора. Исполняли только классические пьесы, между прочим финал «Водовоза» 1-акта, в коем участвовал и я в партии Антонио⁵¹. Аккомпанировал обыкновенно Мейер на фортепиано. Кроме пения, иногда исполняли и другие пьесы; я помню, что в один из музыкальных вечеров произвели 2 квинтета — один Моцарта, а другой Бетховена (оба Es-dur) с духовыми инструментами.

Кроме дома графа Сиверса, где меня принимали чрезвычайно радушно, у меня было много других знакомств, которые доставил мне дом правителя нашей канцелярии Александра Николаевича Бахтурина.

В течение лета того же 1824 года я переехал в дом Фалеева (тоже в Коломне), и вскоре перешел ко мне родственник Александр Иванович Киприянов (муж двоюродной сестры, которую лечили магнетизмом), человек чрезвычайно умный, образованный и приятный. Видя, с какою неистовою страстью я предавался композиции, он старался отклонить меня от этой, по его мнению, пагубной склонности, уверяя, что талант исполнения на фортепиано и скрипке, кроме собственного удовольствия, действительно может доставить мне приятные и полезные знакомства, а от композиции, говорил он, кроме зависти, досад и огорчений, ничего не должно надеяться. Я отчасти изведаль справедливость его слов.

Мы с Александром Ивановичем были свидетелями наводнения 1824 года, 7 ноября. При первом появлении воды на улицах народ шел от обедни, и барыни поднимали платья до колена, что нас забавляло. Когда же вода начала значительно прибывать, я обратился к жившим надо мною (наша квартира была в нижнем этаже) с просьбою позволить на время перенести мой рояль к ним. Экономка немка, оставшаяся за отсутствием барыни, ломала руки и плакала горько, сопровождая оханье соболезнованием о утонувшей короле на ломаном немецко-русском языке. Рояль перенесли, но вода, достигнув порога моей квартиры, начала убывать.

Мужской компании я тогда не любил, предпочитал же общество дам и молодых девиц, коим нравился мой музыкальный талант. Я вскоре убедился в необходимости уметь танцевать, начал учиться у Гольца, занимался с ним около двух лет и дошел до *entrechats*

doubles, ailes de pigeons* и до других па, коими в то время франтили ловкие танцоры.

Около того же времени или несколько позже, не помню, я познакомился с итальянским певцом *Belloli* и начал у него учиться пению (итальянскому). Голос мой был сиплый, несколько в нос и неопределенный, т. е. ни тенор, ни баритон. Скажу, что, хотя у меня слух был отличный, в первые месяцы от непривычки слушать себя я пел неверно. Беллоли учил хорошо и владел еще голосом достаточно, так что мог сам петь все, чему учил меня. Музыку *buffa* я вскоре начал исполнять очень порядочно.

Несмотря на частые занятия с Мейером, его объяснения и постоянное глубокое напряжение, с которым я трудился, в сочинении все еще не было толку. Помню, что в это время я написал квартет для 2 скрипок, альты и виолончели (*D-dur*), но эта попытка удалась не лучше прежних⁵².

В 1825 году я познакомился с семейством княгини Хованской, — старший сын ее, Юрий Сергеевич, воспитывался в Царскосельском лицее; я с ним подружился и в короткое время был принят в доме как родной⁵³. Кроме дочерей и родственниц жила у них девица Лигле из Вены, она учила музыку дочерей княгини, превосходно играла с листа (*à livre ouvert*) и аккомпанировала. С ней я много играл в 4 руки, большею частью квартеты Гайдна, симфонии Гайдна, Моцарта и даже некоторые пьесы Бетховена. Они тогда жили в Царском Селе. Я иногда приезжал к ним на несколько дней; мое появление приводило всех в радость, знали, что где я, там скуки не будет. Действительно, я умел в то время (милое время) разнообразно потешать моих знакомых, в особенности удачным исполнением сцен из опер *buffa*.

Я познакомился также с Д. П. Демидовым, которого дочь Елена Дмитриевна считалась по справедливости одною из первых певиц-любительниц столицы. Она владела чрезвычайно могучим контральтом, но могла также исполнять и партии сопрано. Лигле обыкновенно сопровождала пение на фортепиано, а Беллоли весьма часто пел с нею дуэты различных *maestro*. По всей видимости, я много обязан музыкальным упражнениям в доме Демидова.

Около этого времени я написал первое *allegro* сонаты *d-moll* для фортепиано с альтом; это сочинение опрятнее других, и я производил эту сонату с Бёмом и Лигле; в последнем случае я играл на альте, *Adagio* написано было позже, а *Rondo*, которого мотив в русском роде памятен мне до сих пор, я и не принимался писать (я поместил его недавно в детской польке)⁵⁴.

Первая неудачная попытка в сочинении с текстом относится к этому времени. Это был романс на слова Константина Александровича Бахтурина⁵⁵, сына правителя нашей канцелярии. Когда же сочинил мною первый удачный романс «Не искушай меня без нужды» (слова Баратынского), — не помню; по соображению пола-

* Французские обозначения танцевальных фигур.

гаю, что я написал его около этого времени, т. е. в течение 1825 года⁵⁶.

В конце лета я переехал в Загородный проспект, в дом Нечаевой, на квартиру Александра Яковлевича Римского-Корсака, пансионского товарища и земляка. Квартира наша, очень уютная, находилась на втором этаже (au premier) маленького флигеля на дворе; к нему принадлежал сад, которым мы имели право пользоваться, а в саду была беседка с назидательной надписью: «Не пошто далеко, и здесь хорошо». Я представил моего товарища в дом Бахтуриных, вскоре определили и*

В конце этого года я встречался иногда с некоторыми из прежних товарищей, один из них упрекал меня за то, что я оставил серьезные занятия, чтобы терять драгоценное время в суетных, как говорил он, забавах. Я помню, что ответил ему в таком смысле, что успею себе и после, а теперь считаю приличным соображаться с наклонностями своими и возрастом. Этот самый товарищ был жертвою своего легкомыслия; — он был приговорен к лишению чинов, дворянства и сослан в Сибирь в 1826-м году⁵⁷.

Декабря 14 рано утром зашел к нам старший сын Линдквиста (бывшего у нас инспектором в пансионе); мы пошли на площадь и видели, как государь вышел из дворца. До сих пор у меня ясно сохранился в душе величественный и уважение внушающий вид нашего императора. Я до тех пор никогда не видал его. Он был бледен и несколько грустен; сложив спокойно руки на груди, пошел он тихим шагом прямо в середину толпы и обратился к ней с словами:

«Дети, дети, разойдитесь!». Мы пробы[ли] на площади несколько часов; потом я, вынужден[ный] голодом (ибо не завтракал), отправился к Бахтуриным. Может быть, это, по-видимому, неважное обстоятельство спасло меня от смерти или увечья; вскоре раздались пушечные выстрелы, направленные против мятежников⁵⁸.

Несколько дней спустя в полночь послышался шум у ворот; растворилась дверь квартиры, и полковник Варенцов, дежурный штаб-офицер нашего ведомства, повелительным голосом приказал мне явиться немедленно к его высочеству. Вообразите меня, едва проснувшегося, вовсе не знавшего, в чем дело, — прибавьте, что между мятежниками были очень знакомые мне люди, одним словом, я почувствовал (хотя на короткое время) то чувство, которое мы называем страхом. Сердце замерло, а душа, как говорится, ушла в пятки. Оправясь в минуту, я оделся и во время переезда к главноуправляющему путями сообщения герцогу Вюртембергскому, брату вдовствующей императрицы Марии Федоровны, я попросил полковника сказать мне, в чем меня обвиняют? Одно слово достаточно было, чтобы успокоить меня. Вот в чем было дело.

* Фраза в оригинале не закончена. Начиная со слов *Я представил моего товарища* до слов *он ласково выслушал и отпустил меня* в оригинале весь текст и примечания, к нему относящиеся, зачеркнуты крест-накрест черными чернилами. В копии этот текст не зачеркнут.

У Кюхельбекера*, участвовавшего в мятеже, было два племянника (сына его сестры Устины Карловны) — Дмитрий и Борис Григорьичи. Он убежал, его искали и подозревали, что он укрывался в столице у одного из племянников. Мне легко было в двух словах отклонить от меня подозрение, тем более что Дмитрий и Борис были дети Григория Андреевича Глинки, бывшего кавалером при государе Николае Павловиче, когда он еще был великим князем, воспитывались на казенный счет и отличались особенным благонаравием⁵⁹.

Все это я спокойно и на довольно опрятном французском языке (в коем я усовершенствовался с помощью бывшего гувернера детей княгини Хованской**) объяснил герцогу; он ласково выслушал и отпустил меня.

В конце декабря мы с Корсаком отправились в деревню, я — по случаю помолвки старшей сестры моей Пелагеи Ивановны с нашим соседом Яковом Михайловичем Соболевс[ким], милым и образованным человеком.

Вскоре по приезде я с родными поехал в Смоленск; мы остановились на квартире родственника, Алексея Андреевича Ушакова, человека веселонравного, радушного, но когда он рассказывал что бы то ни было, то преувеличивал постепенно повествование до самой нелепой лжи, приводя иногда для удостоверения других в свидетели слуг своих. Миловидная 18-летняя дочка его играла хорошо на фортепиано; во время пребывания моего у них музыка, разумеется, была в ходу. В угождение моей милой племяннице я написал для фортепиано вариации на итальянский в тогдашнее время модный романс «Benedetta si à la madre» (E-dur). Эти вариации были несколько исправлены Мейером и впоследствии отданы в печать (когда именно? — не помню). Таким образом, это была первая пьеса моего сочинения, появившаяся в печати⁶⁰.

В числе семейств, живших тогда в Смоленске, было семейство генерала в отставке Апухтина. Он любил жить открыто, а так как по случаю всеобщего траура танцы не были допущены, то выдумал дать представление, сообразное с тогдашними обстоятельствами, а именно: «Пролог» на кончину императора Александра и восшествия на престол государя Николая Павловича. Слова сочинены были на французском языке гувернером в доме генерала. Музыка была поручена мне; она состояла из хора (c-moll), арии (B-dur), долженствовавшей быть заключением «Пролога» с торжественным хором также B-dur. Вся эта музыка была с аккомпанементом фортепиано и контрабаса⁶¹. На фортепиано играл К. Ф. Гемпель и пел высокого тенора в хоре c-moll. Арию B-dur, одетый гением (не помню, был ли факел и крылья), пел я. Несмотря на некоторые неловкости

* Кюхельбекер был у нас в мезонине сначала особенным для меня с товарищами гувернером, потом преподавал синтаксис и сочинение на русском языке.— *Примеч. Глинки.*

** Он назывался Romulus Godefroy и, как говорил, naquit du temps de la terreur [родился в эпоху террора (*франц.*)]. Он жил с нами.— *Примеч. Глинки.*

(g a u c h e r i e s), несообразность тонов c-m o l l и B-d u r, я считаю эту кантату первым удачным опытом в вокальной музыке большого размера. Я писал искренно и помню, что пьеса довольно верно выражает слова.

После свадьбы сестры я снова отправился в Смоленск повеселиться на масленой неделе⁶². Возвратясь домой, я завел себе птиц разного рода; их было до 16. Между прочим — варакушка, ольшанка, черноголовка и другие этого рода (*genre fauvette**).

По вечерам и в сумерки любил я мечтать за фортепиано. Сентиментальная поэзия Жуковского мне чрезвычайно нравилась и трогала меня до слез. (Вообще говоря, в молодости я был парень романтического устройства и любил поплакать сладкими слезами умиления.) Кажется, что два тоскливых моих романса: «Светит месяц на кладбище» и «Бедный певец» (слова Жуковского) были написаны в это время (весною 1826 года)⁶³.

В мае того же 1826 года я снова отправился в Петербург. Прежде этого, однако ж, было отослано к начальству свидетельство о болезни с просьбою о продолжении отпуска. Лето 26 года было сухое и знойное — леса горели, и я страдал бессонницей (следствие серных кавказских вод).

Нет сомнения, что я занимался музыкой и в течение этого года, но в чем именно состояли эти занятия? — решительно не помню⁶⁴.

В конце зимы того года (1826) приехал батюшка и остановился у нас. Так как дела требовали довольно долговременного пребывания в столице, то он и решился остаться с нами, чтобы не разлучаться со мною.

Отцу моему было тогда около 49 лет, он был бодр, лицо блистало свежестию, хотя волосы были уже с достаточною проседью. Он любил меня и всех детей своих, со мною же обращался как с товарищем; поверял мне тайны и предположения свои, не скрывая радостей и огорчений.

Так как квартира, нами занимаемая в доме Нечаевой на Загородном проспекте, оказалась тесною для нашего помещения, то в начале 1827 года переехали мы в Торговую улицу, что у Театральной площади, в дом Пискарева.

Отцу понадобилось на месяц или два отправиться раннею весною в деревню. Мы остались с Корсаком. Однажды с приятельницей Корсака явилась молодая девушка (Катенька), которая произвела на меня глубокое впечатление. Я в первые свидания с ней считал себя вполне счастливым, но вскоре оказалось противное. Ее сердце принадлежало другому, и все старания и ухищрения злобы возбудить в ней взаимность оставались тщетными. Грусть этого состояния высказана мною в сочиненной по сему случаю музыке на слова Корсака:

Я люблю, ты говорила,
И тебе поверил я.

* Рода малиновок (*франц.*).

Но другого ты любила,
Мне так страстно говоря:
Я люблю, я люблю! etc.

Впоследствии под эту музыку князь С. Голицын подделал французские стихи, и этот романс известен под именем «Le baiser»⁶⁵.

К этой грусти вскоре присоединились и физические страдания.

Отец по возвращении из деревни встретился однажды в обществе с доктором Браиловым, и [тот], узнав от него, что я золотушного расположения, предложил свои услуги. Для совершенно радикальной вылечки надлежало выпить (около 30 или более) бутылок некоего декохту. О боже, что это был за декохт! Вяжущий, пряный, густой, отвратительного зелено-болотного цвета. Действовал же весьма сильно: слабил жестоко, с мучительной болью, а с другой стороны, не только не освежал, но гнал кровь к голове до такой степени, что на долгое время я совершенно лишился сна. Кончив все бутылки с примерным терпением, я не вдруг поправился.

Несмотря на это, я продолжал сочинять: кроме романа «Горько, горько мне», написанного мною в 1827 году на слова Корсака⁶⁶, я сочинил несколько театральных отдельных сцен для пения с оркестром*, а именно: дуэт с речитативом для баса с тенором (A-dur), хор на смерть героя (c-moll), арию для баритона (As-dur) — *adagio* этой последней послужило мне для канона финала 1-го акта оперы «Руслан и Людмила», «Молитву» для театра в 3 голоса F-dur⁶⁷.

Занятия мои были прерваны золотушным воспалением в левом глазу, происшедшим, вероятно, от продолжительных приливов крови к голове. Меня посадили в темную комнату, а лечил меня знаменитый окулист Лерхе, причем дело не обошлось без слабительных. Это насильственное употребление внутренних лекарств, видимо, повредило моему здоровью и приготовило новые страдания.

По миновании болезни глаза я с новым рвением принялся за работу. Обстоятельства мне благоприятствовали: на нашей квартире зала была большая, один из моих знакомых, граф Девьер, играл весьма хорошо на скрипке, он был полковым адъютантом Конногвардейского полка, и изредка я мог брать к себе нужное для моих сочинений число духовых инструментов за весьма необременительные кондиции. Недостававшие струнные инструменты равным образом находили мы также хозяйственными распоряжениями. В вокальной части помогал мне Варламов, он сам охотно пел басовые партии⁶⁸ и с искреннею готовностью привозил потребное число певчих (конюшенных, если не ошибаюсь) для исполнения хоров. Таким образом, я слышал эффект написанного мною. Около этого времени (кажется) я познакомился с скрипачом Реми (Rémi). Он в несколько уроков выправил мне правую руку; к сожалению, это случилось поздно, — страсть к сочинению решительно отвлекала меня от упражнения в

* Рукой В. В. Стасова помечено на полях: «NB Англоманья в этом году».

исполнении. Бёма я уже оставил. Персидский же язык — вскоре по выпуске из пансиона.

В это время круг моего знакомства увеличился, и я очень хорошо помню, что по вечерам часто бывали у нас Толстые. Их было четверо⁶⁹, меньшей, Феофил Матвеевич (Ростислав), чрезвычайно мило пел тенором (*voix sympathique**). Они принадлежали к высшему обществу, но были милые, веселые люди и не брезгали жареными картофлями с луком, кои у нас изготовлялись в совершенстве.

В начале весны 1827 года, во время пребывания отца в Петербурге, случилось обстоятельство, имевшее важное влияние впоследствии на мое благосостояние: в Торговой улице против нашей квартиры жил в собственном доме статский советник Погодин, теперь сенатор и гоф-интендант действующей армии. Узнав, что батюшка желал предпринять важную операцию, он, основываясь на приобретенной родителем репутации человека сведущего и верного, сам явился к нему и, отрекомендовавшись, предложил быть в половине, вверив ему капитал до 500 000 р. ассиг. для залогов. Приобретенная этим способом выгода впоследствии достаточна была для совершенного освобождения наших имений от долгов, их обременявших.

Мало-помалу зимою здоровье мое начало расстраиваться. Несмотря на тяжкие иногда страдания, я часто проводил время приятно и весело. С тех пор как я поселился с Корсаком, мы часто виделись с нашим товарищем пансионским Лукьяновичем (он теперь управляющий канцеляриею Комитета раненых). Это был веселый, забавный и милый человек; любил литературу, с Корсаком писал разные статьи, да и я, грешный, брался иногда за перо, увлеченный их примером⁷⁰. Вскоре сделался нашим собеседником и Иван Екимович, а к нему присоединился приятель его Алексей Григорьевич Огинский — переводчик Гольдсмита, Гиллиса и других английских историков, — муж ученый и трудолюбивый.

Наружный вид его составлял разительную противоположность с Иваном Екимовичем. Алексей Григорьевич был роста высокого, чрезвычайно лыс, лицо его несколько походило на обезьяну. Говорил же важно, протяжно, в нос, густым басом, причем воздвигал торжественно правую руку для большего убеждения слушателей. Наши дружеские литературные беседы, при содействии пунша, оканчивались почти всегда философскими прениями. По третьему и четвертому пуншу И. Е. приходил в восторг и нередко восклицал: «Диспутовать буду, — буду диспутовать, довольнo!»

Зимою с 1827 на 1828 год приехал к нам зять Корсака Равинский; он в молодости был человек веселый, остроумный и любил смешить разными затейливыми выходками, причем сохранял всегда серьезный вид. Мы с Корсаком решились позабавить его нашими оригиналами. Я был болен, но, несмотря на то, и теперь не могу вспомнить без смеху дружеской беседы, устроенной для Равинского. Порция пунша была усилена; вскоре И. Е. завопил:

* Приятный голос (*франц.*).

— А. Г., от слова: Ванька Колмаков пьян, доведу: аз есмь путь, истина и живот.

Огинский (со смехом): Ан не доведете.

Колм.: Доведу, говорю!

Огин. (усиливая смех): Не доведете.

Колм.: Слушай: что Ванька Колмаков пьян, доказывается.

Огин.: Demo[n]stratur.

Колм.: Красен!

Огин.: Ruber est.

Колм.: Шатается.

Огин.: Vicillat. etc.

И вслед за этим приступом повели наши витии такие забавные и замысловатые речи, что Равинский опрометью выбежал из комнаты, чтобы не задохнуться со смеху.

В марте 1828 я поехал навестить родителей; старшую сестру мою, с которой провел первые годы детства, видел тогда в последний раз; она скончалась в течение лета 1828 года. В конце апреля я отправился в Москву на перекладной тележке без верха. Около города Гжатска мне надуло ветром в левый глаз. Глаз воспалился: целую станцию я проехал закрытый рогожкой. В Гжатске я потребовал доктора, но мне ответили, что доктор плох, а цирюльник весьма сметлив. Позвали последнего, — он дал мне размаринного и кайяпутова масла, которое в несколько часов разогнало боль, уничтожило воспаление, и я доехал в Москву благополучно.

Цель этой поездки была свидание с пансионским товарищем и приятелем Николаем Александровичем Мельгуновым. Он не оставался долго в пансионе по причине слабости здоровья. Я часто навещал его по выходе из пансионата и гостил у его добрых и приветливых родителей. Отец мой, будучи в Петербурге, познакомился с ними и едва не отпустил меня за границу с Николаем Александровичем и отцом его. К моему счастью, батюшка был человек рассудительный; он расчел, что русскому человеку не следует быть французом, притом считал не излишним право на чин 10 класса по окончании курса в пансионе.

У Мельгунова я пробыл только до 9 мая (дня его ангела) — в эти немногие дни я писал *Adagio* (B-dur) d-moll сонаты и помню, что в этой пьесе был довольно ловкий контрапункт⁷¹. Выехал на перекладной утром, на заре 9 мая, я прибыл к сроку моего отпуска в С.-Петербург, но на службе оставался недолго и подал в отставку по следующей причине.

У Ивана Саввича Горголи (одного из генералов — членов Совета путей сообщения) была жена и три дочери. Одна из них, по имени Поликсена, училась пению у Belloli — я часто аккомпанировал ей и певал с нею. В последнее время круг моего знакомства значительно расширился, я посещал реже дом генерала Горголи⁷². Надобно сказать правду, что генеральша и ее дочери не могли внушить искреннего желания часто бывать у них. Они жили долгое время в Киеве и

к суматошным провинциальным приемам присоединяли страсть говорить чрезвычайно громко, и все четыре вдруг, так что не только гостей, но и генерала самого заставляли молчать всякий раз, когда обращались к нему.

Я был помощником секретаря, но меня заставили читать вслух в присутствии записки со всех трех столов. Когда я начал посещать реже дом генерала Горголи, мне нетрудно было заметить значительную перемену в обращении его со мною. Этим дело не ограничилось: генерал, просматривая бумаги, находил, что запятые не на своих местах и правописание не везде соблюдено. Хотя нельзя было от меня по справедливости требовать ответственности за все три стола нашей канцелярии, однако ж я с должным уважением к начальнику не отвечал ни слова, подумал только про себя: «Эге, здесь шашни баловницы Поликсены» — и тут же решил совсем прекратить посещения. Естественно, генерал стал взыскательнее, а я, не тратя даром времени, в один из докладов подал ему прошение об отставке и вышел из службы из-за запятой⁷³.

По приезде в Петербург я поселился на углу Невского проспекта и Владимирской, в доме Барбазана (теперь Жукова, если не ошибаюсь), на квартире пансионского товарища Чиркова⁷⁴. Вскоре здоровье мое начало приметно портиться: золотуха прикинулась к двум пальцам правой руки в виде лишая, и они воспалились до такой степени, что я не мог ни писать, ни играть на фортепиано. Лерхе меня вылечил, но золотушное начало продолжало тревожить меня; нет сомнения, что можно бы весьма легкими средствами если не искоренить, то по крайней мере ослабить болезнь. Судьба определила иначе.

Дальний родственник мой Алексей Степанович Стунеев, искренно меня любивший, неоднократно был невинною причиною многих бед в жизни моей. Он познакомил меня с доктором Школы гвардейских подпрапорщиков Гасовским*. Он был человек добрый, но от этого не было легче его пациентам (двое из братьев моих и отец были жертвами его способа лечения). Сделавшись впоследствии гомеопатом, он сам говорил, что, лечив аллопатически, он был врагом рода человеческого. Действительно, он давал большие приемы сильных, героических средств без всякой на то причины, любимыми же его средствами были: меркурий, сера, хина и опиум.

Он подверг меня в течение целого месяца наружному и внутреннему употреблению первого из вышеупомянутых средств, без всякой особенной причины, не рассмотрев и не расспросивши меня обстоятельно. Целый месяц я просидел в душной комнате, несмотря на летний жар; по прошествии четырех недель выпустили меня из заключения, предписав несколько серных ванн. От этого неуместного и несообразного с моим слабонервным сложением лечения я тогда

* На полях рукой Глинки помечено карандашом: «NB Смягчить фатализм».

почувствовал только легкое раздражение в *plexus solaris** и ложный аппетит.

В течение этого года я работал прилежно. Начал учиться итальянскому языку у Марокетти с Толстым** и еще с кем — не помню⁷⁵. У сына известного *buffo* итальянской бывшей тогда оперы в Петербурге *Zamboni* брал уроки в композиции. Он задавал мне текст итальянский и заставлял писать арии, речитативы и пр., также 2-голосные фуги без слов⁷⁶. Сими последними опытами я похвалиться не могу, хотя уже несколько был знаком с «*Clavesin bien tempéré*»*** Себ. Баха.

Кроме того, написал:

а) Серенаду на данные мне Толстым итальянские слова:

«O, mia dolce,
mia carina».

В то время эта серенада нравилась⁷⁷.

в) Квартет *F-dur* для сопрано, альты, тенора и баса с аккомпанементом двух скрипок, альты и виолончели («*Come di gloria al nome*»)⁷⁸.

с) Квартет для подобных голосов и инструментов *g-moll* («*Sogna chi crede esser felice*»)⁷⁹.

Эти две пьесы были исполнены у Демидова, а первая (*F-dur*) впоследствии и у Львова.

d) Также написаны мною романсы: «Память сердца» Батюшкова⁸⁰ для А. С. Стунеева, а на слова князя Сергея Голицына: «*Pour un moment*»⁸¹ и «Скажи, зачем»⁸².

Я не могу теперь изложить главнейших событий этого периода в хронологическом порядке. Впрочем, это не важно.

Знакомство с князем Сергеем Григорьевичем Голицыным имело важное влияние на развитие моих музыкальных способностей. Он был милый, веселый, подчас забавный молодой человек — хорошо знал музыку и пел очень приятно прекрасным густым басом. Я был тогда чрезвычайно застенчив; он умел ободрить меня и ввел в общество молодых людей высшего тона. Благодаря его дружескому участию я приобрел много приятных и полезных знакомств. Сам же он умел ловко возбуждать меня к деятельности; писал для меня стихи и охотно исполнял мои сочинения. Пред моим отъездом в Москву он мне дал письмо к Николаю Николаевичу Норову (который теперь помощником министра финансов) следующего лаконического содержания: «П о д а т е л ь э т о й з а п и с к и — Г л и н к а». Норов принял меня ласково, я с [ним] вскоре сблизился и не могу утерпеть, чтобы не обнаружить чувств дружбы и признательности к этому редкому по душе и таланту человеку.

* Солнечном сплетении (*лат.*).

** Об этом периоде времени надобно справиться у Ф. М. Толстого.— *Примеч. Глинки.*

*** «Хорошо темперированный клавир» (*франц.*).

В то время между молодыми людьми высшего круга находился камер-юнкер Евгений Петрович Штерич. Хотя он был *élégant** в полном смысле этого слова и любил блистать в салонах, однако же отличался редкими душевными качествами. Между прочим он был хороший музыкант, учился у Мейера и играл опрятно на фортепиано. Я с ним вскоре подружился, и нередко с Сергеем Голицыным (Фирсом) мы посещали его в Павловске, где он жил в летние месяцы. Там представили меня знаменитому нашему поэту Василию Андреевичу Жуковскому. С гр. Вельегорским я был знаком прежде, а в Павловске с ним сблизился, и мы писали, помнится, каждый по канону, пробуя таким образом наши силы в композиции. Прежде чем гр. Михаил Юрьевич Вельегорский принялся за перо, я успел сострять канон (который, кажется, уцелел) на следующие слова кн. Голицына:

Мы в сей обители святой
В молитвах дни проводим;
Не зная суеты мирской,
Здесь счастье находим⁸³.

Мы с кн. Голицын [ым] ездили на Черную речку к князю Василию Петровичу Голицыну, который хорошо пел тенором. В конце августа собрались мы, Толстые и другие молодые люди потешить публику серенадой. Репетиции были чрезвычайно занимательны, и у окон дома, где жил кн. Вас. Петр. Голицын, по вечерам толпились слушатели и слушательницы. В день серенады появились на Черной речке два украшенные фонарями катера, на одном сидели мы, на другом поместили трубачей Кавалергардского полка.

На корме приладили маленький фортепиан, на котором я аккомпанировал и управлял хором. Всех исполненных пьес не упомяну. Приятное впечатление произвел на воде милый голос Феоф. Мат. Толстого в венецианской баркароле: «*Da brava Catina*». Недурно был исполнен хор из «*Dame Blanche*» Буальдьё «*Sonnez, sonnez, cors et musettes*»⁸⁴. После каждой исполненной нами пьесы раздавались стройные, сильные, величественные звуки труб. Инструменты с *clefs (pistons)*** тогда еще не были изобретены. Музыкальные уши не страдали, как ныне, от неверных, противных звуков, которыми теперь нас нещадно угощают. Мазурка графа Михаила Юрьевича, нарочно для труб сочиненная, произвела на меня сильное впечатление⁸⁵. И марш в финале оперы «Жизнь за царя» написан мною именно для простых труб без *pistons*, и если бы возможно было отыскать теперь хор трубачей, подобных тем, каковые участвовали тогда в нашей серенаде, нет сомнения, что финал оперы значительно произвел бы более эффекта.

Об этой серенаде напечатали в «Северной пчеле»⁸⁶, и этот первый успех поощрил нас к новым предприятиям в подобном роде. Мы дали

* Щеголь (франц.).

** Клапанами (франц.).

представление графу Кочубею (тогдашнему президенту Государственного совета); нас было около 16 человек; кроме к[н]. Голицыных, Толстых, Штерича и меня, участвовали: Башуцкий, граф Протасов (теперь он обер-прокурор Синода) и другие, также был полный оркестр, и Карл Мейер играл на фортепиано. Я в кисейном белом женском платье и рыжем парике исполнил роль *Doppa Anna* в интродукции «Дон-Жуана» Моцарта и импровизировал на фортепиано⁸⁷. В Царском Селе также мы дали еще представление, где произвели мою серенаду и куплеты с хором: «Л и л а в ч е р н о й м а н т и и» (слова к[н]. С. Голицына)⁸⁸. Куплеты пел Иванов, а хор — придворные певчие, была также маленькая выходка и для к[н]. С. Голицына. Наконец, мы ездили за 200 верст в Новгородской губернии село Марьино, к графине Строгановой. Я участвовал в представлении нескольких сцен из «*Vaghiere di Seviglia*» Россини, в роли *Figo*⁸⁹. За это нас там угощали несколько дней.

Летом того же 1828 года Михаил Лукьянович Яковлев — композитор известных русских романсов и хорошо певший баритоном — познакомил меня с бароном Дельвигом⁹⁰, известным нашим поэтом. Я нередко навещал его; зимою бывала там девица Лигле, мы играли в 4 руки. Барон Дельвиг переделал для моей музыки песню «А х т ы, н о ч ь л и, н о ч е н ь к а»⁹¹, и тогда же я написал музыку на слова его же «Д е д у ш к а, д е в и ц ы р а з м н е г о в о р и л и»⁹²; эту песню весьма ловко певал М. Л. Яковлев.

Около этого же времени я часто встречался с известнейшим поэтом нашим Александром Сергеевичем Пушкиным, который хаживал и прежде того к нам в пансион к брату своему, воспитывавшемуся со мною в пансионе, и пользовался его знакомством до самой его кончины⁹³. Провел около целого дня с Грибоедовым (автором комедии «Г о р е о т у м а»). Он был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую потом А. С. Пушкин написал романс «Н е п о й, в о л ш е б н и ц а, п р и м н е»⁹⁴.

Иванова я слышал в первый раз также около этого времени — мне нетрудно было подметить его нежный и звонкий голос. Сначала он был так робок, что пел только до верхних *f i s o l*; я уговорил его навестить меня и в короткое время, заставляя петь пьесы постепенно выше и выше, нечувствительно довел его до верхних *l a* и *s i b é m o l*; впоследствии он участвовал часто в наших домашних музыкальных вечерах⁹⁵.

Тогда же (сколько помнится) познакомился я с известной фортепианисткой Ш и м а н о в с к о ю⁹⁶; у нее были две дочери: Ц е л и н а и Е л е н а. Они изрядно пели. Я был *m a e s t r o* на музыкальных утрах Ш и м а н о в с к о й — исполняли иногда и мою музыку. Там, если не ошибаюсь, встретился я с известным поэтом М и ц к е в и ч е м, он тогда ухаживал за Ц е л и н о й, на которой впоследствии женился.

В 1828 году мы предприняли с князем С. Голицыным издать «Лирический альбом», но дело долго не шло на лад; Николай Иванович Павлищев взялся за издание, и альбом явился в свет 1829 года⁹⁷.

В конце 1828 года здоровье мое начало расстраиваться — я стал чувствовать боли, особенно в сырое и холодное время. Гасовский прописал мне майский бальзам Немича, который произвел сыпь по всему телу; несмотря на это, я чувствовал себя все хуже и хуже. В начале 1829 года около марта Саломон (известный впоследствии оператор) принялся лечить меня. Целых два месяца продержал он меня в теплой комнате и заставил принимать пилюли *sublimatum*, постепенно увеличивая приемы, так что, без сомнения, я принял от 80 до 100 пилюль, при весьма строгой диете. Это лечение так меня расслабило, что когда князь С. Голицын, отправляясь в действующую армию (он перешел в военную службу и был адъютантом у графа Ридигера)⁹⁸, приехал проститься со мною, то он нашел меня в чрезвычайно болезненном состоянии. Однако же я написал в то время романс «Забуду ль я?» (слова к[н]. Голицына)⁹⁹. Его же романс «Разочарование» («Где ты, о первое желанье») должно отнести (кажется) к 1828¹⁰⁰.

В мае после нескольких серных ванн я оправился, но ненадолго. Я часто посещал барона Дельвига; кроме его милой и весьма любезной жены жила там также любезная и миловидная барыня Керн. В июне барон с женою, г-жою Керн и Орестом Сомовым (литератором, весьма умным и любезным человеком) отправились в четырехместной линейке в Иматру¹⁰¹. Мы с Корсаком поехали вслед за ними на тележке; съехавшись в Выборге, вместе гуляли мы в прекрасном саду барона Николая. Вместе видели Иматру и возвратились в Петербург. Один из чухонцев ямщиков пел песню, которая мне очень понравилась; я заставил его неоднократно повторить и, затвердив ее, употребил потом главною темою баллады Финна в опере «Руслан и Людмила»¹⁰². Это путешествие было бы для [меня] еще приятнее, если бы болезнь не посетила меня. Еще до поездки, несмотря на прекрасную погоду, начали мало-помалу развиваться жестокие нервные боли (*névralgies*), которые по приезде в Петербург усилились до такой степени, что появлялись ежедневно в сопровождении лихорадки с жаром и бредом. Пароксизм оканчивался сильною и неправильною (*anormale*) испариною. Эти страдания без сомнения причиною того, что я не так ясно помню этот период времени.

В течение лета 1829 года написан мною романс «Ночь осенняя, ночь безная» (слова Корсака)¹⁰³. В конце лета я часто навещал Дельвигов и нередко слышал на Неве роговую музыку Нарышкина¹⁰⁴. В особенности производила волшебный эффект пьеса Шимановской «Вилия», состоящая вся из арпеджий¹⁰⁵. Зачем покинули этот фантастический оркестр и ввели отвратительные *trompettes à clefs*?*

Помнится, что вскоре по возвращении из Иматры мы угостили Дельвигов, Керн и Сомова Колмаковым и Огинским, и удачно.

Дельви́г написал мне романс «Не осенний частый дож-

* Трубы с клапанами (франц.).

дичек»¹⁰⁶. Музыка на эти слова я впоследствии взял для романса Антонины «Не о том скорблю, подруженьки», в опере «Жизнь за царя».

Осенью того же года у Штерича я слышал персидскую песню, которую секретарем министра иностранных дел Хозрева-Мирзы¹⁰⁷. Этот мотив послужил мне для хора «Ложится в поле мрак ночной» в опере «Руслан и Людмила».

Тогда же осенью бывал я у Львовых, где исполняли мой квартет F-dur — «Сome di gloria al nome».

Около этого времени боли, особенно шейных желез, дошли до такой степени, что я катался по полу и кусал себя от невыносимой муки. Вскоре (от простуды, вероятно) образовалась упорная спазматическая боль сзади шеи, хотя от весьма теплых ванн она успокоилась, но я известил родителей о моем болезненном состоянии. В октябре приехала ко мне матушка с сестрою Наталией Ивановною и увезла меня в деревню.

Перед отъездом мне отрекомендовали доктора, итальянца родом, которого имени не упомяну. Он предложил мне для успокоения моих болей пилюли из опиума с меркурием. В продолжение зимы и весны я неоднократно прибегал к ним, и действительно они успокаивали боли, но все более и более расстраивали здоровье.

В промежуточное время между страданиями (сопровождаемыми почти всегда жаром с бредом) я продолжал музыкальные занятия. Я выучил Септуор Гуммеля и неоднократно исполнял его с аккомпанементом. Усовершенствовался в игре на фортепиано постоянным упражнением в этюдах Крамера, Мошелеса и даже иногда принимался за Баха. Сочинил несколько мелких пьес, которые находятся в зеленой тетради у В. П. Энгельгардта¹⁰⁸. Написал романс «Голос с того света», слова В. А. Жуковского¹⁰⁹. Наконец, в начале весны 1830 года F-dur квартет для струнных инструментов¹¹⁰. Благодаря В. П. Энгельгардту я несколько раз слышал исполнение этого ученического произведения, и мне кажется, что в нем отражается болезненное тогдашнее мое состояние. Сверх того, написал для сестры Натальи Ивановны 6 контральтовых этюдов¹¹¹. Учил сестру Людмилу Ивановну (впоследствии Шестакову) географии. Она уверяет, что училась у меня охотно и что до сих пор у ней хранится несколько листков записок, мною написанных. Устроил для младших сестер и брата в комнате горку из досок, по которой они катались в медных тазах.

Еще до отъезда в деревню я начал помышлять о путешествии за границу. Это желание, возбужденное надеждою избавиться от страданий и усовершенствоваться в музыке, впоследствии усилилось еще более от чтения путешествий. Я помню, что перед самым отъездом в деревню я читал путешествие в Испанию и с той самой поры мечтал об этой занимательной стране.

Я поехал в деревню в надежде упросить отца отпустить меня за границу. Несмотря на то что он очень любил меня, но отказал мне решительно. Я был огорчен до слез, но не смел и помыслить преко-

словить отцу, несмотря на дружеское его обращение со мною. Матушка со свойственной ей добротой и заботливостью старалась успокаивать меня. Между тем — болезнь увеличивалась, несмотря на старания доброго нашего уездного доктора Вильгельма Даниловича Гинденбурга. Я снова прибегал к пилюлям итальянца и, без сомнения, в течение полгода проглотил их до сотни, к крайнему вреду моего здоровья.

К моему счастью, в конце зимы в 1829 году приехал к нам полковой доктор Шпиндлер. Отец познакомился с ним в городе Брянске (Орловской губернии) и весьма уважал его. Расспросив обстоятельно о моей болезни, он осмотрел меня и объявил отцу, что у меня целая кадриль болезней и что для поправления моего здоровья необходимо мне пробыть не менее трех лет за границей в теплом климате.

Таким образом, моя поездка в Италию и Германию была решена. Я желал отправиться с отцом в Петербург, чтобы устроить там концерт для Иванова, с тем чтобы он мог мне сопутствовать. Отец, видя, что мое крайне расстроенное здоровье не позволяло мне предпринимать путь в зимнее время, взялся все уладить без меня. И действительно, с свойственною ему благоразумною настойчивостию, с одной стороны, уговори л (*c'est le mot**) Иванова, который не доверял и колебался, с другой же, упросил директора Певческой капеллы Федора Петровича Львова дать Иванову позволение отправиться со мною. Иванову дали двухлетний отпуск и пособие, а отец обязался подпискою, что Иванову не будет недостатка в средствах к существованию. Таким образом, Иванов в судьбе своей обязан отцу моему более, нежели мне¹¹³.

Весною здоровье мое шло все хуже и хуже, и когда к концу апреля прибыл к нам Иванов, я был очень плох и стонал часто. Все было уже готово к отъезду, и 25 апреля 1830 года решено было отправиться в путь.

Часть вторая

*От 25 апреля 1830 до конца ноября
и начала декабря 1836 года*

Период 6

Путешествие за границу и возвращение на родину

Итак, в пятницу 25 апреля 1830 года я и Иванов выехали из села Новоспасского. Матушка провожала нас до Смоленска. Из Смоленска до Бреста-Литовского сопутствовал нам зять мой (*beau-frère*) Яков Михайлович Соболевский и человек Алексей (скрипач)¹¹⁴. Это было в начале мая; было холодно, шел снег, я чувствовал усталость после

* Точное слово (*франц.*).

КОММЕНТАРИИ

Часть первая

Эпоха 1

¹ Родовое имение Новоспасское принадлежало деду композитора Н. А. Глинке и в 1805 г. было им передано младшему сыну Ивану с условием, «чтобы мать его [Фекла Александровна] жила с ним до ее кончины и распорядилась всем, как прежде, повластно» (Былое, с. 30). Таким образом, действительным хозяином Новоспасского И. Н. Глинка стал лишь после смерти матери, в 1810 г. Тогда же он предпринял там ряд переделок и нововведений: построил большой дом, разбил сад с цветником и пр.

В Новоспасском прошли детские и отроческие годы композитора. Впервые он выехал оттуда в 1812 г., когда семья бежала в Орел, спасаясь от французов. По возвращении Глинка прожил в Новоспасском до «ранней зимы» 1817 г.

На протяжении всей своей жизни Глинка неоднократно бывал в Новоспасском, задерживаясь там иногда на три-четыре месяца. В последний раз он посетил Новоспасское в 1847 г.

В 1851 г., получив в Варшаве известие о смерти матери, Глинка, в ответ на предложение Л. И. Шестаковой приехать в Новоспасское для переговоров о наследстве, сообщил, что «никогда более без матушки туда не приедет» (Былое, с. 42). Тогда же он дал сестре и ее мужу В. И. Шестакову полную доверенность на управление имениями, а 27 октября составил завещание, по которому отказал ей все свое движимое и недвижимое имущество (см.: Г л и н к а. Лит. наследие, 2, с. 673).

После смерти брата, в том же 1857 г. Л. И. Шестакова передала Новоспасское младшей сестре О. И. Измайловой, согласно желанию Е. А. Глинки. В ноябре 1859 г. О. И. Измайлова умерла от дифтерита, а в 1879 г. муж ее Н. А. Измайлов продал Новоспасское купцу Ф. Т. Рыбакову. Тот разобрал дом и перевез его в Коломну, построив из него рабочие бараки.

В XX веке Новоспасское принадлежало купцу Зеликину, который, переоборудовав усадьбу, занялся промышленной эксплуатацией земли и свел весь лес.

В 1906 г., в связи с празднованием столетия со дня рождения Глинки (торжественные мероприятия по этому поводу в 1904 г. были отложены из-за военных и политических событий), возник вопрос о выкупе Новоспасского. Однако не было средств, не было лиц или организаций, которые могли бы взять это дело в свои руки. Вместе с тем там не сохранилось уже ничего, что было бы связано с жизнью Глинки. Война 1941—1945 гг. довершила уничтожение следов пребывания семейства Глинок в Новоспасском. Восстановление усадьбы Глинки было осуществлено в 1970 г., и весной 1980 г. состоялось торжественное открытие мемориального дома (см. также: Г л и н к а. Полн. собр. соч. Лит. произведения и переписка, 1, с. 364—365).

² В 1801 г. И. Н. Глинка оставил военную службу и вышел в отставку с чином капитана. 30 мая 1802 г. он женился. Начав свою самостоятельную хозяйственную дея-

тельность в Новоспасском, он занялся также хлебными поставками, казенными подрядами и откупам. Этим объясняются его частые отлучки из Новоспасского, поездки в Петербург, Орел, Брянск и т. д. Коммерческие операции И. Н. Глинки обеспечили благосостояние семьи. После его смерти Е. А. Глинка продолжала заниматься и хозяйством, и хлебными поставками.

³ Е. А. и И. Н. Глинки приходились друг другу троюродными братом и сестрой; их деды, Алексей и Михаил Степановичи Глинки, были братьями.

⁴ Михаил Иванович был вторым ребенком в семье; первенец Алексей, родившийся в 1803 г., умер, вероятно, или в том же году, или в начале следующего. Преждевременная смерть и была, по-видимому, причиной того, что бабушка отняла у родителей второго их ребенка. Все последовавшие затем дети воспитывались уже без ее вмешательства. По воспоминаниям Л. И. Шестаковой, у Е. А. и И. Н. Глинок всего было тринадцать детей. До нас дошли имена только десяти. После Алексея и Михаила следовали: Пелагея (1805), Наталия (1809), Елизавета (1810), Мария (1813), Евгений (1815), Людмила (1816), Андрей (1823), Ольга (1825).

⁵ В детские годы при Глинке «состояли» нянька Татьяна Карповна и «поднянька» Авдотья Ивановна, по словам Л. И. Шестаковой, «молодая веселая женщина», «которая знала много разных сказок и песен» и первая приобщила будущего композитора к русскому народному творчеству.

⁶ Первым учителем Глинки был священник церкви в селе Новоспасском Иван Стабровский, позднее, в 1812 г., принявший деятельное участие в обороне усадьбы от напавшего на нее отряда французов.

⁷ В 1810 г.

⁸ Намек на «Исповедь» Ж. Ж. Руссо.

Период 2

⁹ Речь идет об архитекторе, по проекту которого был построен дом в Новоспасском (имя его установить не удалось).

¹⁰ «История о странствиях вообще по всем краям земного круга сочинения Господина Прево, сокращенная новейшим расположением через Господина Ла Гарпа, члена французской академии, содержащая в себе: Достоинейшие примечания, самым полезнейшим и наилучшим доказанное образом в странах света, до коих достигали Европейцы; о нравах оных жителей, о верах, обычаях, науках, художествах, торговле и руководителях, с приобщением Землеописательных чертежей и изображений, вещей любопытных. На российский язык переведена 1782—1787 года Дмитровского уезда в сельце Михалева. Части 1—22. М., в Университетской типографии у Н. Новикова, 1782—1787». Перевод был сделан М. Веревкиным.

По словам Л. И. Шестаковой, в Новоспасском «библиотека была небольшая, старинная». «Помню,— писала она,— что там находилось 12 томов „О странствиях вообще“, „Всемирная история“ и другие, изданные еще при императрице Екатерине» (Былое, с. 33).

¹¹ Отъезд И. Н. Глинки с семьей из Новоспасского в Орел мог состояться не ранее конца июня 1812 г. (см.: К а н н - Н о в и к о в а. Новые материалы и документы, 1, с. 88). Глинке шел тогда девятый год.

Во время войны дом в Новоспасском был разграблен французами. Семья возвратилась туда в конце 1812 или начале 1813 г.

¹² Владелец села Шмакова, дядя Глинки, старший брат и в прошлом опекун его

матери, Афанасий Андреевич Глинка любил музыку и содержал крепостной оркестр. После его смерти в 1827 г. Шмаково (и оркестр) перешло во владение его младшего брата Ивана Андреевича, тоже большого любителя музыки.

¹³ Забытый в настоящее время шведский композитор Б. Г. Крузель пользовался известностью в первой четверти XIX столетия, произведения его исполнялись в Петербурге и в провинции. Возможно, этим ранним знакомством с звучанием кларнета и с музыкой, произведшей на него «новое и восхитительное впечатление», следует объяснить нередкое в партитурах ранних произведений Глинки соло кларнета.

¹⁴ В 1855 г. Глинка по памяти записал мазурку, под которую танцевали в Новоспасском; впервые она была опубликована в кн.: *Ф и н д е й з е н* Н. Ф. М. И. Глинка. Очерк его жизни и музыкальной деятельности. М., 1903, с. 7.

Период 3

¹⁵ Сведения об этой первой учительнице музыки Глинки скудны и неопределенны. Сам он и Л. И. Шестакова считали ее воспитанницей Смольного института. Однако в списках девиц, окончивших это учебное заведение, имени ее нет. Известно, что некая Варвара Кламмер, дочь надворного советника, состояла классной дамой Смольного института с 1 марта 1821 г. до 5 ноября 1822 г. Как сказано в ее личном деле, «она в таковой должности оказалась по воспитанию ее и познаниям совершенно способною». Варвара Кламмер оставила службу в институте по причине «болезненного состояния родной сестры ее, требующего ее за ней хождения» (ГИАЛО, ф. 2, оп. 2, д. 1823, л. 1, 2). Имя Анны Кламмер, дочери надворного советника Федора Федоровича Кламмера, упоминается в числе выпускниц 1809 г. (*Ч е р е п н и н* Н. П. Императорское воспитательное общество. Исторический очерк. 1764—1914. Т. 3. Спб., 1915, с. 503). Возможно, что это была сестра В. Ф. Кламмер. Вполне вероятно, что учительница Глинки и классная дама Смольного института Варвара Кламмер — одно и то же лицо.

Может быть, методике преподавания игры на фортепиано, которой следовала В. Ф. Кламмер, свойственны были некоторые элементы формализма и педантизма, но в то же время нельзя не отметить в ней некоторых положительных сторон: она приучала ориентироваться не глядя на клавиши, развивала беглость, умение читать с листа. Что касается репертуара, который проходил под ее руководством Глинка, то он находился на уровне требований современного ей пианизма.

¹⁶ К числу наиболее популярных произведений Д. Штейбельта принадлежал его фортепианный концерт Es-dur (№ 3); название «L'Otage» («Гроза») носит его финал, которому предшествует рондо в пасторальном духе.

Период 4

¹⁷ Благородный пансион при Главном педагогическом институте был открыт 1 сентября 1817 г. В 1819 г. на базе института был создан С.-Петербургский университет. Подобно Царскосельскому лицей, пансион представлял собой сочетание средней и высшей школы; в старших классах преподавали те же профессора, что и в университете. Предполагалось, что по окончании курса воспитанники будут заканчивать специальное образование на одном из факультетов университета.

В первые годы существования пансиона занятия в нем вели многие выдающиеся педагоги: А. И. Галич, А. П. Куницын, К. И. Арсеньев, Э. В. С. Раупах, В. К. Кюхельбекер; обучение было поставлено блестяще. Из языков, кроме русского, воспитанники

изучали французский, немецкий, английский, латинский и греческий (Глинка учил еще и персидский). В пансионе преподавали математику, естественные науки, историю, географию. Введены были также занятия музыкой, рисованием и фехтованием.

В 1821 г. в пансионе произошли волнения, поводом к которым послужило отстранение В. К. Кюхельбекера от преподавания в 1820 г. В результате некоторые воспитанники (в числе их Лев Пушкин) и прогрессивная часть профессуры были уволены и учение пришло в упадок.

Пансион просуществовал до 1830 г., когда был преобразован в Первую гимназию. Глинка был зачислен в Благородный пансион 2 февраля 1818 г. и окончил его в 1822 г.

¹⁸ Первоначально Благородный пансион помещался на Фонтанке, у Калинкина моста, возле больницы для слепых, основанной французским врачом В. Гаюи. В октябре 1821 г. пансион был переведен на б. Кабинетскую улицу, близ Семеновского полка.

¹⁹ О том, кто из товарищей жил с Глинкой в одном помещении, существуют различные мнения. Скорее всего это были братья Андрей и Алексей Тютчевы, поступившие в пансион в 1817 г. (см.: Соловьев Д. Н. Пятидесятилетие С.-Петербургской первой гимназии. 1830—1880. СПб., 1880. Приложение 1). Имя третьего товарища до настоящего времени остается неустановленным.

²⁰ Рояль Тишнера, стоявший в мезонине Благородного пансиона, был впоследствии перевезен в Новоспасское и, по свидетельству Л. И. Шестаковой, находился там в зале. Глинка пользовался им при сочинении оперы «Иван Сусанин». После смерти брата Л. И. Шестакова передала рояль в Музей Глинки при С.-Петербургской консерватории; в 1932 г. он поступил в ЛГИТМиК, где и находится по настоящее время.

²¹ В своих «Воспоминаниях» Н. А. Маркевич называет имена следующих профессоров и преподавателей Благородного пансиона: П. А. Руссель — учитель французского языка; Э. В. С. Раупах — профессор языков немецкого, французского, латинского и греческого, а также истории; К. И. Арсеньев — профессор географии и статистики; Я. Г. Зембницкий — профессор естественной истории; Д. С. Чижов, А. Я. Кушакевич, А. С. Киндерев — преподаватели математики (см.: Воспоминания, с. 125—126). Глинка пишет, что латинским языком он занимался с И. Е. Колмаковым, а английским и персидским — с Джафаром; он упоминает также, что В. К. Кюхельбекер вел в пансионе русскую словесность, а А. П. Куницын — право.

²² После волнений, происшедших в пансионе в 1821 г., из числа преподавателей были уволены: А. П. Куницын, А. И. Галич, Э. В. С. Раупах, К. И. Арсеньев, К. Т. Герман, обвиненные в распространении антиправительственных идей.

²³ Глинка, сохранивший добрые отношения со своим учителем и по окончании Благородного пансиона, посвятил ему «Воспоминания об И. Я. Колмакове» (см.: Глинка А. Полн. собр. соч. Лит. произведения и переписка, 1, с. 203—208).

²⁴ Песня К. А. Кавоса была издана под названием «Милый мой сердечный друг. Ария сочинения г-на Кавоса. Петая г-жей Самойловой в балете „Любовь к отечеству“, сочинения г-на Вальберха. Гравировано и печатано в С.-Петербурге у Далмаса, издателя „Северного Трубадура“». Арии предшествовало небольшое инструментальное вступление, которое и было использовано Глинкой.

Текст пансионского «канта» имел несколько вариантов. Один из них приводит И. И. Панаев:

Наш учитель Колмаков
Умножает дураков,

Он жилет свой поправляет
И глазами все моргает.

Он же описывал случай, когда И. Я. Колмаков сам изменил вторую строку:

Наш учитель Колмаков
Обучает дураков.

(См.: Панаев И. И. Из литературных воспоминаний. — В кн.: Воспоминания, с. 145—146).

²⁵ Занятия Дж. Фильда с Глинкой могут относиться к январю — февралю 1818 г., так как известно, что 21 декабря 1817 г. Фильд участвовал в благотворительном концерте в Петербурге, а весной 1818 г. были объявлены два его концерта в Москве.

²⁶ Намек Глинки несомненно относится не только к «модным» в середине XIX столетия пианистам С. Тальбергу, А. Дёлеру и другим, но и к самому Ф. Листу, новаторскую сущность игры которого Глинка никогда так и не оценил.

²⁷ 28 июня 1820 г. на публичном акте в Благородном пансионе Глинка исполнил фортепианный концерт К. Т. Цейнера. Вероятно, к тому времени и относятся его занятия с этим педагогом.

²⁸ Это выступление состоялось 3 июля 1822 г.

²⁹ Рукопись этого переложения не сохранилась.

³⁰ Глинка мог слышать Е. С. Сандунову в концертах Филармонического общества; там 28 марта 1818 г. была исполнена оратория И. Г. Миллера «Архангел Михаил» с участием Е. С. Сандуновой, Г. И. Климовского и Яновского, а 21 декабря 1822 г. — оратория Й. Гайдна «Сотворение мира» при участии певцов Е. С. Сандуновой, Б. Л. Цейбаха и М. Шрейнциера.

³¹ В семью Федора Петровича Львова, впоследствии (в 1826—1836 гг.) директора Певческой капеллы, отца композитора и скрипача Алексея Федоровича Львова.

³² Мать В. В. Энгельгардта Елена Александровна приходилась родной сестрой Г. А. Потемкину-Таврическому. И. Н. Глинка управлял его смоленскими имениями, чем и объясняется близость между этими двумя семьями.

³³ В. П. Энгельгардт длительное время разыскивал и собирал рукописи произведений Глинки, а также его портреты, принадлежавшие ему ноты и другие материалы, делая это с ведома и согласия композитора. Собранную им коллекцию он в два приема (в 1867 и в 1885 гг.) принес в дар Публичной библиотеке в Петербурге, где она вошла в состав фонда М. И. Глинки (ГПБ, ф. 190).

³⁴ Об оркестре П. И. Юшкова существуют следующие сведения: «В 1813 г. в Петербург переехал, со своим знаменитым домашним оркестром, московский богач, тайный советник П. И. Юшков. В его известном по всей России симфоническом оркестре было 22 музыканта, причем все они были солистами. Юшков не жалел на свой оркестр никаких средств. Лучшие музыканты того времени давали юшковским крепостным уроки, получая по 25 руб. в час. Бальный оркестр Юшкова был единственным в своем роде. Перед началом танца им [музыкантам] надо было лишь „задать мотив“, после чего тотчас же следовало стройное исполнение заказанного танца всем оркестром. Ромберг, Лафон, Львов и другие виртуозы своего времени просиживали целые ночи подле юшковского оркестра, восторгаясь блестящими импровизациями „первой скрипки“, прославленного „Ивана Григорьевича“, имевшего все данные для того, чтобы на Западе стать европейской знаменитостью» (см.: Яцевич А. Крепостной Петербург Пушкинского времени. Л., 1937, с. 145).

³⁵ Я. Н. Гуммель впервые выступил в Петербурге 18 января 1822 г.; второе его выступление состоялось 16 марта того же года. В промежутке между этими концертами он ездил в Москву. В какой именно из приездов его в Петербург произошла его встреча с Глинкой, неизвестно.

³⁶ Вариации на тему из оперы «Швейцарское семейство» И. Вейгля, так же как и вальс *F-dur* для фортепиано, до сих пор не обнаружены. Ф. Стелловским еще при жизни композитора были изданы Вариации *Es-dur* для фортепиано или арфы (в «Записках»: и арфы). Установлено, что их темой послужило оркестровое сопровождение к хору и танцу рабов из финала I действия оперы «Волшебная флейта» В. А. Моцарта. Сохранились две рукописи этого произведения, представляющие собой две различные редакции — 1822 и 1827 г.

³⁷ Вероятно, эти птицы достались Глинке в наследство от Д. Н. Глинки, про которого Л. И. Шестакова писала: «Дядя Дмитрий Николаевич любил птиц и был страстный охотник, держал много свор собак, борзых и лягавых» (Былое, с. 30).

³⁸ Я. Г. Зембницкому, ведшему курсы зоологии, ботаники, геологии и минералогии в различных учебных заведениях Петербурга, Глинка был обязан многими сведениями в естественных науках.

³⁹ Первым учеником был выпущен Станислав Петровский, вторым — Глинка.

Период 5

⁴⁰ И. Л. Фукс был автором руководства к сочинению музыки, одним из наиболее известных музыкальных теоретиков своего времени.

⁴¹ Глинка упоминает здесь А. В. Киприянову (урожденную Потресову), после смерти своей матери Т. Н. Потресовой, сестры И. Н. Глинки, воспитывавшуюся в Новоспасском.

⁴² Волшебнo-комическая опера «Русалка» Ф. Кауэра шла в России с большим успехом и постепенно разрослась в цикл из четырех частей. У Жеребцова Глинка видел первую или вторую из этих опер.

⁴³ Слова Глинки, что, переехав Дон, он очутился в Азии, следует понимать лишь как метафору. Географическая граница между Европейской Россией и Азией проходила тогда, как и теперь, по Уральскому хребту, реке Уралу, Каспийскому морю, Кавказскому хребту (эту границу — Урал — Глинка сам называл в «Записках по географии»).

⁴⁴ Военные действия на Кавказе продолжались до 1859 г.— года пленения Шамиля.

⁴⁵ Рукопись септета для гобоя, фагота, валторны *in Es*, двух скрипок, виолончели и контрабаса сохранилась не полностью (ГПБ, ф. 190, № 40). Это произведение было дописано, отредактировано и впервые опубликовано В. Я. Шебалиным в 1957 г. (см.: Г л и н к а. Полн. собр. соч., т. 3). Рукописи *Andante cantabile* (ошибочно названного Глинкой *Adagio*) и *Rondo* для оркестра также сохранились в неполном виде (ГПБ, ф. 190, № 31—33); отредактированы и впервые опубликованы Шебалиным в 1955 г. (см.: Г л и н к а. Полн. собр. соч., т. 1).

⁴⁶ Первым скрипачом в оркестре П. И. Юшкова был упомянутый выше крепостной музыкант Иван Григорьевич (см. коммент. 34).

⁴⁷ Ко времени занятий Глинки с К. Майером относится сочинение Вариаций на собственную тему, озаглавленных в рукописи: *Variations sur un thème composé par M. Glinka dédiées à... ich werde es nicht sagen* (Вариации на тему, сочиненную М. Глин-

кой, посвященные... я не скажу кому) (*франц. и нем.*). Вариации впервые изданы П. Юргенсоном в 1878 г.

⁴⁸ Вопреки заявлению Глинки, что у И. Г. Миллера уроков он не брал, Ф. М. Толстой утверждает обратное: «Мы писали с ним взапуски фуги под руководством Миллера...» (Толстой Ф. М. По поводу «Записок» М. И. Глинки. — Русская старина, 1871, кн. 3, с. 426). В данном случае, по-видимому, следует верить Глинке.

⁴⁹ Правителем канцелярии Совета путей сообщения был А. Н. Бахтурин.

⁵⁰ Упоминаемые Глинкой четыре генерала, члены Совета путей сообщения — это Л. Л. Карбоньер, С. И. Сенювер, граф Е. К. Сиверс и А. С. Горголи.

⁵¹ Финал I действия (№ 5) оперы «Водовоз» Л. Керубини представляет собой ансамбль, в котором участвуют почти все действующие лица оперы.

⁵² Рукопись квартета D-dur сохранилась не полностью (ГПБ, ф. 190, № 35 и 36). Сочинение было дописано В. П. Ширинским и впервые опубликовано под редакцией Н. Я. Мясковского и В. П. Ширинского в 1948 г.

⁵³ Князь Ю. С. Хованский окончил Благородный пансион при Царскосельском лицее в 1825 г. По словам П. А. Степанова, на балу в доме княгини Хованской состоялось первое исполнение Французской кадрили Глинки (см.: Воспоминания, с. 54). Это произведение не обнаружено.

⁵⁴ Над сонатой d-moll для альты или скрипки и фортепиано Глинка работал в 1825—1828 гг. и не закончил ее. Сохранились три рукописных варианта первой и второй частей (ГПБ, ф. 190, № 10, л. 87—104, № 41 и 42). Они были обработаны В. В. Борисовским и впервые опубликованы в его редакции в 1932 г.

⁵⁵ Романс на слова К. А. Бахтурина называется «Моя арфа». Первоначальная рукопись его не сохранилась. В 1855 г. Глинка вновь записал его по памяти, снабдив припиской: «Этот романс написан мною в 1824 году до потопа. Это первый мой опыт в сочинении с текстом. М. Глинка. 19 февраля 55 года. С. Пб-ург» (ГПБ, ф. 190, № 74, л. 3—4). Под «потопом» подразумевается наводнение 1824 г. в Петербурге. Впервые романс был издан Ф. Стелловским в 1862 г. С ним связан первый оперный замысел Глинки на сюжет поэмы «Матильда Рокби» Вальтера Скотта. Один из героев поэмы, поэт Вильфрид, поет песню под названием «Арфа», текст которой очень близок к стихотворению К. А. Бахтурина (см.: К а н н - Н о в и к о в а. Новые материалы и документы, 2, с. 141—149).

⁵⁶ Романс «Не искушай меня без нужды» был сочинен в 1825 г. на текст стихотворения Е. А. Баратынского «Разуверение». Впервые издан фирмой И. Пеца (без даты).

⁵⁷ Это был декабрист Михаил Николаевич Глебов, однокашник Глинки по Благородному пансиону. Пансионским товарищем Глинки был также декабрист С. М. Палицын. Кроме того, с самого начала своей службы в канцелярии Совета путей сообщения Глинка мог встречаться там с адъютантом главного управляющего путями сообщения, декабристом А. А. Бестужевым.

⁵⁸ Скупое описание событий 14 декабря в «Записках» не дает ясного представления о том, как Глинка провел этот день. Можно лишь попытаться сопоставить его рассказ с историческими фактами.

Глинка вышел из дому вместе с сыном Линдквиста, имя и личность которого так и остались неизвестными. С Загородного проспекта, где жил Глинка, кратчайший путь к Адмиралтейству, а оттуда на Дворцовую и Сенатскую площади пролегал по Гороховой улице. Около 10 часов утра здесь прошел под командой Александра Бестужева Московский полк — первый из восставших полков, прибывший на Сенатскую площадь в одиннадцатом часу утра.

Глинка писал: «Мы пошли на площадь». Из последующего текста ясно, что речь идет о Дворцовой площади. Здесь Глинка и мог видеть Николая I в тот момент, когда в одиннадцатом часу утра царь вышел на площадь и ему рапортовали, что отказавшийся присягать Московский полк проследовал к Сенату. Известно, что Николай I неоднократно выходил на Дворцовую площадь и обращался к толпе с предложением разойтись.

В «Записках» нет упоминания о том, что Глинка был на Сенатской площади, но его слова, что он спасся от картечи «вынужденный голодом», заставляют предположить, что он побывал и там. Пушечная стрельба началась на этой площади в четыре часа — начале пятого. Следовательно, Глинка ушел к Бахтуриным незадолго до этого времени. Час его прихода на Сенатскую площадь установить невозможно, тем не менее можно предположить, что он стал очевидцем многих событий, разыгравшихся там в этот день, мог видеть и многих из участвовавших в них своих друзей и знакомых.

Обо всем этом Глинка в «Записках» умолчал, и вряд ли это можно объяснить забывчивостью.

⁵⁹ После разгрома восстания на Сенатской площади В. К. Кюхельбекер бежал из Петербурга. Сначала он скрывался в поместье Горки Великолуцкого уезда, затем короткое время пробыл в имении Закуп, принадлежавшем его сестре У. К. Глинке, после чего направился в Польшу, надеясь перейти там границу. 22 января 1826 г. он был арестован в Варшаве. Зять Кюхельбекера Г. А. Глинка состоял в отдаленном родстве с М. И. Глинкой (их прадеды были двоюродными братьями). Подозрение мог вызвать и сам Глинка, в прошлом ученик и воспитанник Кюхельбекера.

⁶⁰ Упомянутые здесь вариации в рукописи озаглавлены: «*Benedetta sia la madre variée pour le pianoforte et dédiée à mademoiselle Lise d'Ouchakoff par Michel Glinka*» («*Benedetta sia la madre*, варьированная для фортепиано и посвященная Лизе Ушаковой Михаилом Глинкой») (ЛГИТМиК, ф. 6, оп. 1, № 19). В качестве темы использована мелодия песни венецианского гондольера. Вариации были изданы фирмой И. К. Пеца в 1826 г. без посвящения.

Е. А. Ушаковой (в замужестве Мицкой) посвящено и другое произведение Глинки, написанное в 1847 г., — Вариации на шотландскую тему.

⁶¹ Упомянутый Пролог был сочинен Глинкой в 1826 г. на французский текст графа Олидора (гувернера в семье Апухтиных).

⁶² Масленица в 1826 г. продолжалась с 21 по 28 февраля.

⁶³ Из стихотворения В. А. Жуковского «Бедный певец» Глинкой взяты частично четвертая и полностью пятая строфы. Романс был издан в 1829 г. фирмой «Одеон».

Романс «Светит месяц» написан на текст стихотворения В. А. Жуковского «Утешение», представляющего собой перевод стихотворения И. Л. Уланда «Монахиня». В автографе романс назван «Светит месяц», в издании фирмы «Одеон» (ценз. разрешение от 10 августа 1829 г.) озаглавлен по начальным словам второго куплета: «Нет его! на том он свете». Почти одновременно романс появился в «Невском альманахе».

⁶⁴ К этому времени (1824—1826 гг.) Т. Н. Ливанова и В. В. Протопопов относят наброски симфонии В-dur на темы песен «Во лужях», «Во саду ли, в огороде», «Ой, не ходи, Грицю». Ее неоконченная черновая партитура в рукописи не озаглавлена (ГПБ, ф. 190, № 22). Отрывки из симфонии были опубликованы в кн.: Глинка. Творческий путь, 2, с. 279—290.

Вспоминая о 1826 г., Глинка не говорит о своей осенней поездке в Москву к Н. А. Мельгунову. В это время там же находился и А. С. Пушкин, с которым композитор вполне мог встречаться у общих знакомых. Впоследствии М. П. Погодин писал о том,

какое оживление царило тогда в литературной жизни Москвы. На вечерах у Киреевских, Веневитиновых, Соболевского, Вяземского и других читались новые сочинения Баратынского, Пушкина, Дельвига, Жуковского. 12 октября 1826 г. Пушкин прочел у Д. В. Веневитинова своего «Бориса Годунова». «Приехал Глинка, связанный более других с Мельгуновым и Соболевским,— добавлял Погодин,— и присоединилась музыка» (П о г о д и н М. П. Воспоминания о С. П. Шевыреве.— Журнал Министерства народного просвещения, 1869, т. 141, февр., с. 405).

⁶⁵ Романс «Le baiser» («Поцелуй») издавался при жизни Глинки как с русским, так и с французским текстом.

⁶⁶ Романс «Горько, горько мне», имеющий подзаголовок «Русская песня», впервые был издан в «Музыкальном альбоме» на 1831 г., составленном И. В. Романусом.

⁶⁷ Перечисленные Глинкой театральные сцены не сохранились.

⁶⁸ Глинка ошибается, говоря, что А. Е. Варламов пел басовые партии: у него был тенор. В зале дома на Торговой улице, очевидно, впервые прозвучали все вышеперечисленные сочинения Глинки.

⁶⁹ Братьев Толстых было семеро. Из них Илларион Матвеевич умер в 1821 г. С кем из остальных (не считая Феофила Матвеевича) встречался Глинка, неизвестно.

⁷⁰ О литературных занятиях Глинки см.: Г л и н к а. Полн. собр. соч. Лит. произведения и переписка, 1, с. 13—17 и 198—200.

⁷¹ О сонате для альты см. коммент. 54.

⁷² Членом Совета путей сообщения был А. С. Горголи. Брат его И. С. Горголи (тоже генерал) одно время занимал пост петербургского обер-полицмейстера. Возможно, что Глинка посещал дом брата своего начальника.

⁷³ Глинка был уволен от службы 29 июня 1828 г.

⁷⁴ В пансионе с Глинкой учились братья Чирковы: Николай и Никанор. Поскольку в «Записках» Глинка ни разу не называет имени Чиркова, невозможно установить, о ком из братьев идет речь.

⁷⁵ Ф. М. Толстой вспоминал: «В то время мы учились итальянскому языку предпочтительно у дочери Zamboni, очаровательно исполнявшей в „Сороке-воровке“ контральтовую партию (роль Pirro)» (Т о л с т о й Ф. М. По поводу «Записок» М. И. Глинки.— Русская старина, 1871, кн. 3, с. 423).

⁷⁶ Ко времени занятий с Л. Замбони (1828) предположительно относится сочинение Глинкой четырех арий на итальянские тексты неустановленных авторов, впервые опубликованных Ф. Стелловским в 1864 г. Вторично с русскими переводами П. И. Чайковского, но без указания его имени арии были изданы П. Юргенсоном в 1878 г. Две итальянские канцонетты, автографы которых не обнаружены, были изданы П. Юргенсоном в 1891 г.

Вероятно, в те же годы (1827—1828) Глинка сочинил еще и три арии на итальянские тексты, впервые опубликованные в 1955 г.

Во время занятий с Л. Замбони Глинка сочинил, по-видимому, также и фуги, впервые опубликованные К. С. Сорокиным в 1951 г. под названием «Полифоническая тетрадь».

⁷⁷ Эта серенада Глинки не обнаружена.

⁷⁸ Квартет «Come di gloria al nome» («О, как при мысли о славе сердце мое трепещет») для сопрано, альты, тенора и баса, в сопровождении струнного квартета, на текст неустановленного автора впервые опубликован в 1960 г. (Г л и н к а. Полн. собр. соч., т. 9).

⁷⁹ Квартет «Sogna chi crede d'esser felice» («Помни, что счастье на свете призрак

мгновенный») для альты, двух теноров и баса, в сопровождении струнного квартета, на текст неуставленного автора впервые опубликован в 1954 г. К числу вокальных ансамблей, написанных в 1828 г., относится квартет B-dur для сопрано, альты, тенора и баса с фортепиано, без названия и без текста. Со словами П. И. Чайковского был опубликован П. Юргенсоном в 1878 г. в Москве под названием «Молитва» («С небеси услыши»); Чайковским, вероятно, было дописано и фортепианное сопровождение.

К 1827 г. относится трио D-dur для альты, тенора и баса, на текст неуставленного автора «Боже сил, во дни смятенья», впервые опубликованное П. Юргенсоном в 1878 г.

К тому же времени относится и дуэт «Mio ben ricordati» («Помни обо мне»); впервые он был опубликован в «Лирическом альбоме на 1829 год», изданном Глинкой и Н. И. Павлицевым. В издании П. Юргенсона 1878 г. русский перевод сделан П. И. Чайковским («Если вдруг среди радостей»).

⁸⁰ Романс «Память сердца» ошибочно отнесен Глинкой к 1828 г. Он был сочинен в 1826 г. на текст стихотворения К. Н. Батюшкова «Мой гений». Впервые опубликован в «Лирическом альбоме на 1829 год».

⁸¹ Романс «Pour un moment» известен под разными названиями и с разными текстами (французским и русским). В одном из автографов он озаглавлен «Pour un moment» (ГПБ, ф. 190, № 10, л. 65), в другом — «За миг один» (ГПБ, ф. 190, № 58). В издании Ф. Стелловского — «Один лишь миг все в жизни светит радость». Французский вариант впервые напечатан был в альбоме «Melodicon», составленном И. В. Романусом в 1834 г.

⁸² Романс «Скажи, зачем?» Глинка сочинил в 1827 г. (Автограф не обнаружен. Впервые напечатан также в «Лирическом альбоме на 1829 год».)

⁸³ Этот канон Глинки не обнаружен.

⁸⁴ Хором «Sonnez, sonnez, cors et musettes» («Играйте, играйте, трубы и волынки») начинается и заканчивается № 1 (интродукция и хор) из I действия оперы «Белая дама» Ф. А. Буальде.

⁸⁵ Среди нотных рукописей Мих. Ю. Виельгорского находятся две мазурки для фортепиано в две руки, которые предположительно можно связать с указанным Глинкой эпизодом, так как одна из них называется «Mazurka composée par le c-te Michel Wielhorsky. Pour la musique des trompettes» («Мазурка, сочиненная гр. Михаилом Виельгорским. Для духового оркестра». ГБЛ, ф. 48, картон 19, ед. хр. 41, л. 2 об.—3).

⁸⁶ Глинка говорит здесь о статье Ф. В. Булгарина «Петербургские записки. Об увеселениях столицы. Письмо в Либаву к Ал. Никит. Пещурову от 25 августа 1827 г.» (Северная пчела, 1827, 27 авг.).

⁸⁷ Описываемый Глинкой спектакль состоялся на масленной неделе (между 6 и 12 февраля) 1827 г. в доме графа Кочубея (Фонтанка, 16). Подробно об этом см.: Записки князя Н. С. Голицына. — Русская старина, 1881, март, с. 520—522; отрывок из них, касающийся Глинки, — в кн.: Воспоминания, с. 142—144.

⁸⁸ Упомянутые Глинкой серенада и куплеты с хором «Лила в черной мантии» не обнаружены.

⁸⁹ В воспоминаниях Ф. М. Толстого есть описание этой поездки в Марьино, имение графини Строгановой под Петербургом. Здесь в течение десяти дней гостили Толстой, С. Г. Голицын и Глинка. В домашних концертах они выступали в нескольких сценах из «Севильского цирюльника» Дж. Россини. Глинка пел партию Фигаро, Голицын — Бартоло, Толстой — Альмавивы. Тогда же в Марьине была исполнена и баркарола A-dur Глинки, по словам Толстого, не представлявшая собой ничего «особенно затруднительного» и «особенно эффектного»; «мелодия, чисто в итальянском вкусе, шла глад-

ко и плавно, и только». На репетиции «при окончании пьесы Глинка громко вскрикнул и из оркестра выскочил на сцену. Его поразила взятая одним из хористов придворных певчих Телегиным нота ля-бемоль контроктавы» (Т о л с т о й Ф. М. По поводу «Записок» М. И. Глинки.— Русская старина, 1871, кн. 3, с. 426). Упомянутая Толстым баркарола Глинки не обнаружена.

⁹⁰ Знакомство Глинки с А. А. Дельвигом состоялось, вероятно, осенью 1828 г., так как с февраля до 7 октября этого года Дельвига в Петербурге не было.

⁹¹ Первая редакция романа-песни «Ах ты ночь ли, ноченька» была опубликована в «С.-Петербургском вестнике» (1831, № 18). Во второй редакции романс был позднее издан Ф. Стелловским.

⁹² Песня «Дедушка, девицы раз мне говорили» сочинена была, вероятно, зимой 1828/29 г. Первая редакция под названием «Русская песня» появилась в альманахе «Подснежник» (Спб., 1829); вторая была опубликована фирмой «Одеон».

⁹³ Краткая сводка возможных встреч Глинки с Пушкиным дана в кн.: Глинка. Творческий путь, 1, с. 121. Здесь говорится: «Пушкин вернулся в Петербург в конце мая 1827 года и пробыл там до 19 октября 1828 года, а затем жил с 18 января по 9 марта 1829 года и с 10 октября того же года по 4 марта 1830 года. За это время Глинка неоднократно уезжал из Петербурга. Кроме кратких поездок в Москву и Новоспасское, известно, что он отсутствовал с марта по 11—12 мая 1828 г. и с октября 1829 г.» (после пребывания в Новоспасском Глинка уехал из Смоленска за границу в апреле 1830 г.). Следовательно, встречаться они могли, скорее всего, в течение четырех-пяти месяцев в 1828 г. и около двух месяцев в 1829 г.

⁹⁴ В 1828 г. А. С. Грибоедов приехал в Петербург 14 марта и был там до 6 июня, а Глинка с марта по 9 мая того же года пробыл в Москве, после чего вернулся в Петербург. Таким образом, их встреча могла состояться в период с 9 мая до 6 июня 1828 г., а с Пушкиным Глинка встречался несколько позже. Стихотворение Пушкина «Не пой, волшебница, при мне» (первая его редакция) датировано 12 июня 1828 г. В таком виде оно появилось в печати лишь в 1914 г. (см.: Ц я в л о в с к и й М. Два автографа А. С. Пушкина. М., 1914, с. 4). Вторая редакция стихотворения была опубликована в альманахе «Северные цветы на 1829 год». Ею Глинка воспользовался при сочинении своего романа, за исключением слова «милый [девы]» в последней строке, заимствованного из первой редакции. Романс впервые издан фирмой «Одеон» в 1831 г. под названием «Не пой, красавица, при мне» и с подзаголовком «Грузинская песня».

⁹⁵ Время встречи Глинки с Н. К. Ивановым в точности не известно. Уже находясь в Италии, Глинка в письме к С. А. Соболевскому от 24 ноября/6 декабря 1830 г. упоминает имя Иванова, прибавляя: «которого ты видел у меня в Петербурге». Так как в начале 1829 г. Соболевский надолго уехал за границу, то приезд его в Петербург и встреча с Ивановым у Глинки должна быть, вероятно, отнесена к 1827 или 1828 г. Н. К. Иванову в то время было 17—18 лет, и он только начинал свою певческую карьеру.

⁹⁶ Мария Шимановская приехала в Россию в 1827 г. Сначала она поселилась в Москве, где выступала в концертах и устраивала у себя музыкальные вечера. В 1828 г. она переехала в Петербург и продолжала там свою музыкальную деятельность. Летом того же года состоялось ее знакомство с Глинкой, который очень высоко ценил ее талант.

⁹⁷ «Лирический альбом на 1829 год». Издан Глинкой и Н. И. Павлицевым.

⁹⁸ Граф Ф. В. Ридигер принимал участие в турецкой кампании. В 1828 г. он во главе авангардных войск перешел Дунай.

⁹⁹ Романс «Забуду ль я?» впервые опубликован в «Лирическом альбоме на 1832 год», изданном И. Ф. Ласковским и Н. Н. Норовым.

¹⁰⁰ Одна из двух известных редакций романса «Разочарование» появилась в свет в «Музыкальном альбоме в память А. Е. Варламова» (1861); вторая была издана фирмой Брандюса (1855).

¹⁰¹ Поездка на Иматру продолжалась с 28 июня по 1 июля 1829 г. О. Сомов описал ее в статьях под названием «Четыре дня в Финляндии» (Северная пчела, 1829, 12, 17, 21 и 26 сент.; Литературная газета, 1830, 15, 20, 25 июня). Этой поездке посвящены также многие страницы воспоминаний А. П. Керн (см.: Воспоминания, с. 149—154).

¹⁰² По свидетельству А. П. Керн, Глинка на месте записал напев Финской песни. Эта запись не обнаружена. Сохранился автограф Финской песни в обработке для фортепиано в две руки. В таком виде она была напечатана как приложение к упомянутой выше статье О. Сомова в «Литературной газете» (1830, 20 июня). Автограф и издание представляют собой две различные редакции.

¹⁰³ Романс «Ночь осенняя, любезная» впервые опубликован в «С.-Петербургском вестнике» за 1831 г.

¹⁰⁴ Владелец рогового оркестра Д. Л. Нарышкин получил его от Александра I в 1818 г. Историк роговой музыки в России К. А. Вертков писал: «Хранивший традиции старины Д. Л. Нарышкин еще долго держал у себя на даче на Крестовском острове единственную на весь Петербург роговую музыку» (Вертков К. А. Русская роговая музыка. Л.—М., 1948, с. 56).

¹⁰⁵ О «Вилии» И. Ф. Бэлза писал: «Эта песня Шимановской, переделанная ею в знаменитый ноктюрн „Le murmure“ („Шепот“), пользовалась особенной популярностью в России и была известна в различных переложениях» (Бэлза И. Ф. Из истории русско-польских связей. М., 1955, с. 27).

¹⁰⁶ Русская песня «Не осенний частый дождичек» для тенора соло, мужского хора и фортепиано сочинена была в 1829 г. на слова А. А. Дельвига. Несмотря на популярность песни, впервые она была опубликована лишь в 1956 г. О. Е. Левашевой в статье «Музыка в кружке А. А. Дельвига» (Вопросы музыкознания, вып. 2, с. 344—345).

¹⁰⁷ Персидская миссия во главе с принцем Хосров Мирзой прибыла в Петербург осенью 1829 г. для принесения «извинений» русскому правительству по поводу убийства в Тегеране русского посла А. С. Грибоедова.

¹⁰⁸ Так называемая «зеленая тетрадь» вшита в десятый том «Автографов Михаила Ивановича Глинки», принесенных в дар Публичной библиотеке В. П. Энгельгардтом в 1867 г., и занимает в нем л. 26—69. Ее верхняя зеленая обложка оторвана, нижняя сохранилась.

На заглавном листе тетради (л. 26) рукой Глинки написано карандашом: «Зеленая тетрадь, полученная от Даргомыжского» (ГПБ, ф. 190, № 10). Мелкими пьесами, которые упоминает Глинка, были, очевидно, две «Кавалерийские рыси» («Trot de cavalerie») и три фуги.

¹⁰⁹ Стихотворение В. А. Жуковского, на текст которого сочинил музыку Глинка, представляет собой перевод отрывка из трилогии Ф. Шиллера «Валленштейн». Романс впервые напечатан в «Лирическом альбоме на 1832 год», изданном И. Ф. Ласковским и Н. Н. Норовым.

¹¹⁰ Написанный в апреле 1830 г. в Новоспасском струнный квартет F-dur сохранился в виде рукописных партий и авторского переложения для фортепиано в четыре руки. То и другое было издано П. Юргенсоном в 1878 г.

Обстоятельства сложились так, что Глинке не удалось услышать это произведение

тогда же, когда оно было написано, в исполнении струнных инструментов, почему он и сделал переложение для фортепиано в четыре руки. В. П. Энгельгардт вспоминал, что «услыхал он этот квартет в первый раз у меня в начале 50-х годов. Я ему сказал, что буду играть квартет Гайдна. При первых же тактах он с удивлением посмотрел на меня и потом был очень доволен» (Энгельгардт В. П. Из писем к Н. Ф. Финдейзену. — В кн.: Воспоминания, с. 319).

¹¹¹ В 1829 г. в Новоспасском Глинкой были сочинены не шесть, а семь этюдов для голоса (контральто) с фортепиано. Недатированный автограф находится в архиве Глинки (см. коммент. 108).

¹¹² «Записки по географии» опубликованы в кн.: Г л и н к а. Полн. собр. соч. Лит. произведения и переписка, 1, с. 189—191. В своих воспоминаниях Л. И. Шестакова писала о том, что Глинка много занимался с ней и музыкой. «Я довольно хорошо разбирала печатные ноты, но написанные решительно не могла; брат заставлял меня писать их, сам писал для меня небольшие легкие вещицы и заставлял разбирать их при себе» (Воспоминания, с. 37). Эти пьесы Глинки не сохранились.

¹¹³ В краткой биографии Н. К. Иванова приведены воспоминания о нем Л. И. Шестаковой, записанные с ее слов автором книги С. В. Смоленским: «Я хорошо помню, сказала мне высокопочтенная Людмила Ивановна, как Иванов приехал в наше Новоспасское за моим братом, чтобы отправиться за границу. Иванов, тогда еще совсем молодой человек, много пел у нас, приводя всех в полный восторг своим очаровательным голосом. „Соловья“ он пел так хорошо, что мы плакали; но искусство его было само по себе очень слабо, и именно мягкий, высокий голос и несомненно музыкальные способности Иванова заставили моего брата принять участие в доставлении этому певцу возможности учиться и послушать знаменитых в то время итальянских певцов-артистов» (Смоленский С. В. О теноре Иванове, сопутствовавшем Глинке в Италию. СПб., 1904, с. 1—2).

Н. К. Иванов в Россию не вернулся. В первом издании «Записок» Глинки по этому поводу в примечании сказано: «Поступок Иванова навлек в свое время много неприятностей М. И. Глинке, о чем по обычному своему добродушию автор „Жизни за царя“ предпочел в своих записках умолчать» (Русская старина, 1870, июнь, с. 577).

Часть вторая

Период 6

¹¹⁴ В прошении от 23 февраля 1830 г. на имя смоленского гражданского губернатора о выдаче заграничного паспорта Глинка просил также о выдаче паспорта его слуге Алексею Нетоеву.

¹¹⁵ Глинка говорит здесь о терцете с хором № 2 из I действия оперы «Волшебный стрелок» К. М. Вебера; в нем участвуют: Макс (тенор), Куно (бас), Каспар (бас), хор егерей и хор крестьян.

¹¹⁶ «Ариадна на пантере», одна из наиболее знаменитых работ немецкого скульптора И. Г. фон Даннекера. Находилась в музее Бегмана во Франкфурте-на-Майне.

¹¹⁷ Комическая опера В. Фьораванти «Деревенские певицы».

¹¹⁸ Имена упоминаемых Глинкой братьев Бельджойозо, сестер Бранка и Софии Медичи позднее встречаются в статьях Ф. Листа, относящихся к 1830-м гг. (см.: Liszt F. Gesammelte Schriften. Bd 2: Reisebriefe eines Baccalaureus der Tonkunst.